

СВѢТЪ НЕ БЕЗЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

334

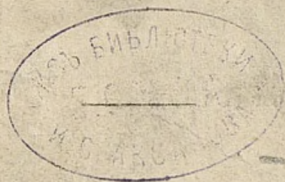
И
91

78

350

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. Н. Львова.

В 6503

350

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Полицейскихъ Ведомостей.

1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 27 марта, 1857 года.

Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

1-925. 14.

2007088894

ДѢЙСТВІЯ ПЕРВАЯ

МѢСЯЦЪ СЕНТЯБРЯ 1804 ГОДА, 25-го числа.

Въ Петербургѣ.

Въ театръ Императорскій, въ день рождения Императрицы.

Въ театръ Императорскій, въ день рождения Императрицы.

СВѢТЬ НЕ БЕЗЪ ДОБРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЯ ПЕРВАЯ

— 22488 — Ф

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Михайло Васильевичъ Лисицкій, 32-хъ-лѣтъ.

Евлампій Ермолаевичъ.

Баронъ Лихтенгаль, столоначальникъ въ N департаментѣ.

Александръ Петровичъ Волковъ, канцелярскій чиновникъ того же департамента, 34-хъ лѣтъ.

Ольга Андреевна, жена Волкова, 20-ти лѣтъ.

Хрисанфъ Семеновичъ Иванчиковъ, удаленный отъ должности исправника ** губерніи, 43-ти лѣтъ.

Алексій Ивановичъ Милосердый, чиновникъ другаго вѣдомства, 32-хъ лѣтъ.

Павелъ Виссариановичъ Простота, журналистъ губернскаго мѣста въ Петербургѣ, 40-ка лѣтъ.

Темное Лицо съ бородкой, 36-ти лѣтъ.

Иванъ Петровичъ Андреевъ, ростовщикъ, 64-хъ лѣтъ.

Елизавета Ивановна Декъ, барыня такъ-себѣ, 40-ка лѣтъ.

Филиппъ, камердинеръ Лисицкаго, 64-хъ лѣтъ.

Полицейскій офицеръ, писецъ его и два цѣновщика

Дѣйствіе въ Петербургѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Утро. Кабинетъ въ квартирѣ Лисицкаго. Роскошь на каждомъ шагѣ. Прямо дверь къ выходу; направо отъ зрителя дверь въ спальню; направо въ глубинѣ маленькая дверь, завѣшенная портьерой. Направо отъ зрителя большой письменный столъ, за нимъ кресло хозяина; сбоку кресло для гостя; направо кофетка и передъ ней маленькій столикъ; ближе къ авансценѣ окно.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Филиппъ (*говоритъ въ дверь*).

Да говорятъ вамъ: встанетъ поздно... пріѣхалъ въ седьмомъ часу; чего ждать-то будете?... Ахъ ты, Господи, что за народецъ такой! (*Начинаетъ убирать комнату.*) Ну ужъ баринъ! доживемъ мы этакъ съ тобой, что опосля намъ и жевать будетъ нечего! Вотъ какъ оно пришло! (*Головою покачиваетъ.*) Папенька-то, покойникъ, наживалъ-наживалъ, гдѣ правдой, а гдѣ и съ грѣхомъ пополамъ... тоже служащій былъ человекъ, пятьсотъ душъ сынку оставилъ; а вотъ мы имъ теперь глаза-то и протираемъ. Сказано: отколѣ пришло, туда и уйдетъ... Грѣхи-грѣхи наши тяжкіе! (*Вздыхаетъ. Въ это время изъ средней двери высовывается Темное Лицо.*)

Темное Лицо.

Филиппъ Семенычъ, можно что-ли?... Всего на два слова.

Филиппъ (*оглядываясь*).

Чего вамъ? войдти-то? Ну да ужъ войдите, войдите... пока почиваетъ... что съ вами станешь дѣлать!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Филиппъ и Темное Лицо (невысокаго роста господинъ въ тепломъ пальто и льняныхъ брюкахъ; на шеѣ какая-то тряпка; на головѣ черные кудрявые волосы; борода мльщанская, вздерошенная; выговоръ нѣскольکو-польскій; въ рукахъ затасканная фуражка; лицо все въ красныхъ пятнахъ; говоря, постоянно вертится, присѣдаетъ, опрокидываясь назадъ; руки большею-частью въ карманахъ пальто и тогда фуражка подъ-мышкой; говоритъ шопотомъ).

Филиппъ.

Али еще словили какого на удочку? привели что ли кого?

Темное Лицо.

Привести-то привелъ, да больно крѣпокъ, не знай, сладятся ли... Хотѣлъ бы и себѣ попросить маленько... во какая нужда! (Рѣжетъ пальцемъ по горлу.) Что, Филиппъ Семенычъ, есть что ли у него деньги-то... сколько-нибудь?

Филиппъ.

Да отколѣ онѣ у насъ будутъ, деньги-то, Василій Игнатьичъ, батюшка? Вотъ что вы промыслите, такъ тѣмъ и живемъ. Наше какое дѣло: придетъ теперь лѣто, понадобится куда ѣхать на воды—тащи Филиппъ серебро въ Мѣщанскую, за желѣзную рѣшетку, а покрупнѣе что изъ небели въ Гороховую, на широкій дворъ: тамъ мѣсто всему съищется... На што, говорить, оно? на тотъ годъ мода перемѣнится... Знамо, опосля и въ долгъ наберемъ.

Темное Лицо.

Да какъ же это такъ, Филиппъ Семенычъ? вѣдь у него пятьсотъ душъ.

Филиппъ.

Такъ што-што пятьсотъ душъ? Знамое дѣло: продадутъ—на расплату достанетъ. А доходъ-то какой? Дѣло заглазное, управляяль агличанинъ треклятый; въ свой все карманъ поровиль... Теперь послалъ новаго, капитана какого-то. «Этотъ, говорить, повернетъ тамъ по своему...» Да что толку-то будетъ? Верти сколько хошь, какъ все-то ужъ высосали. Нѣтъ, самъ бы поѣхалъ. Чего проживаться-то здѣсь?.. Заладилъ одно: «еще послужу—губернаторомъ буду, али какимъ ни-на-есть предсѣдателемъ». Да что-моль ему, губернатору-то, быть голому?... Губернатору надо быть, чтобы какъ есть губернаторъ... одно слово: вельможа. А мы что? Здѣсь-то должны-должали, да и въ губернію пріѣдемъ занимать? Опять хошь-бы и губернатору: ему тоже надѣтъ во всякомъ дѣлѣ споровку знать; а мы вотъ и своими мужи-

чоками не управили, да поѣдемъ губерніей заправлять... Тоже было время, служили мы съ покойникомъ бариномъ и въ губерніи; всего было довольно; видали всякихъ губернаторовъ. Такъ тогда опять не тѣ же и порядки были. Былъ, вонъ, у насъ, царство ему небесное, Иванъ Васильичъ губернаторъ, душа добръющая! вельможа этакая, что и не найди!.. Тоже былъ у него секретарь—управитель канцеляріи называется по-нынѣшнему, то голова былъ человѣкъ!.. Ну а ужъ насчетъ этого (*дѣлаетъ знакъ въ карманъ*) мое почтение!.. Извѣстно, у добраго человѣка секретарю, что у Христа за пазушкой, малина житье! (*Нюхаетъ табакъ.*) Каковъ есть табакъ нюхательный, такъ и того на грошъ не покупывалъ; а деньги—это опять само-по-себѣ... «Что же, говоритъ, напримѣръ, стану я въ карты играть; не чаемъ же мнѣ, али бо сахаромъ расплачиваться; деньги, говоритъ, человѣку на каждомъ шагу надобны...» Вотъ, бывало, губернаторъ-то глядять-глядить на него, да вдругъ, ни съ того ни съ сего, ему и хватить: «А что, братецъ, мы съ тобой свои люди—сочтемся, нужно бы мнѣ призанять тысячъ двадцать-пять; ужо, говоритъ, принесешь вечеркомъ... ну а тамъ послѣ какъ знаешь», значить наверстывай... Да, такъ-то! Нѣтъ, нонѣ, братъ, этакъ-то — шалишь!.. нонеча гдѣ нибудь въ Сибири за ухомъ почешешь, а ужъ тутъ въ столиціи знаютъ, каковъ ты есть человѣкъ. И изъ мелкой-то братіи, изъ чиновниковъ, кто крѣпкихъ напитковъ придерживается, али насчетъ прочаго другаго, такъ и то все извѣстно... Да, вонъ онѣ каки времена пришли!

Темное Лицо.

Ну да это что говоритъ, Филиппъ Семенычъ, онъ и самъ не такой... Случается къ слову, такъ въ разговорѣ, упаси Богъ, говоритъ, лучше свое проживу, а не рѣшусь на взятку...

Филиппъ (*перевиваетъ*).

Да кто ему дастъ? за что, Василій Игнатьичъ, батюшка?.. Каки дѣла-то онъ дѣлаетъ?.. Вотъ ужо проснется часу въ первомъ, ноготочки почистить, бакенбарды погладить, прикажетъ запрячь рысачка сѣренькаго, да и алѣ-маширъ съ визитами. «Надо, говоритъ, каки-то связи поддерживать... безъ связей, говоритъ, тутъ и дѣлать нечего». Али бо по Невскому пойдетъ прогуляется, къ Доминикѣ зайдетъ, что супротивъ Казанскаго; такъ утро-то и проволочить. А нѣтъ, небойсь, чтобъ въ департаментъ въ свой заглянуть, каковъ, молъ, онъ, не перекрасили ли? «На-што, говоритъ, въ ле-

партаментъ? я дилехтура уже ввечеру увижу, вмѣстѣ станемъ въ проферанцъ играть». Покушаетъ въ шестомъ часу у тетеньки у генеральши, заѣдетъ домой, передѣнется, да либо въ кіатръ, либо куда въ картишки позабавиться... тамъ сотня двѣ вынетъ... ладно какъ еще гдѣ покормятъ, а то къ Дюсу ужинать, да оттолѣ еще... Вотъ онѣ, день да ночь и сутки прочь. Эка служба, сердечный, совсѣмъ замаялся!..

Темное Лицо.

Ну все же, Филиппъ Семенычъ, служить онѣ чиновникомъ особыхъ порученій: нельзя же, чтобъ ничего не дѣлалъ... вѣдь и самъ я служилъ: знаю...

Филиппъ.

Ну хошь-бы и чиновникомъ, такъ опять-таки поглядишь, другіе прочіе отъѣзжаютъ въ командировки разныя, а вотъ мы, благословн Богъ, двѣнадцатый годокъ пошелъ, здѣсь маемся; всего одинъ только разъ въ губернію-то и съѣздили, да и то не знали, какъ оттолѣ свои-то ноги унести: такового-было понадѣлали... Народъ тамъ прощальга, на томъ стоитъ; ты еще въ заставу ѣдешь, а ужъ онѣ тебя сквозь всего видятъ, на котору ногу прихрамываешь: барышневъ ли любишь, али въ карточки повграть; всякую приманку припасутъ тебѣ, только бы глаза твои дѣла не видѣли... Опять же ты одинъ, а они всѣ противъ тебя помочью, такъ туда ужъ не съ нашей наукой показываться—да. Вогъ вѣдь подумаетъ, Василій Игнатьичъ, батюшка, въ нетриситетѣ онѣ былъ, всякія науки произошелъ, а ничего дѣловъ дѣлать не смыслить.

Темное Лицо.

Неужь-то же ужъ такъ и совсѣмъ безъ дѣла живетъ?

Филиппъ.

Не то, чтобъ безъ дѣла... а бываетъ, дадутъ ему хошь-бы и дѣло какое: думаютъ, что, мошь, ему такъ-то болтаться... Ну, извѣстно, въ департаментѣ не въ судѣ какомъ, дѣла къ сторопѣ не отложишь: сегодня пожаловали, а ужъ завтра кулъера шлютъ, что, мошь, готово ли? Вотъ, сударь вы мой, и зазоветъ онѣ къ себѣ человекъ съ пятокъ изъ департамента чиновниковъ, которы побѣднѣй... засвѣтитъ въ залѣ лампы да канделабры... кормежку велитъ имъ приготовить... рассадитъ таку тамъ канцелярію, что на поди!.. Вы, говорить, то пишете, вы это, а вы, господа, переписывайте, что у нихъ посиѣвать станеть. Пошла работа! Катай ребята,

ажно перья трещать! (*Смѣется.*) Распорядить такимъ-то родомъ, да и засидеть самъ въ этой вотъ комнатѣ на всю ночь въ профоранцъ играть съ Платономъ Петровичемъ да съ Степаномъ Николаичемъ... чай, знаете, изъ ихъ же департамента? Степанъ-то Николаичъ такой длинный да тонкій: я его журавлемъ прозвалъ... Нѣтъ, такъ-то наврядъ ему быть губернаторомъ! (*Покачиваетъ головой.*) Да чего таиться: это лѣтошний годъ праехтъ какой-то подавалъ начальству, награду получилъ: такъ и то сочинялъ ему Александръ Петровичъ, чиновникъ изъ департамента ходить, Волковъ прозывается. Ну, этотъ таки всяко дѣло справить; а вѣдь вотъ, сударь мой, въ чинахъ такъ не то, чтобъ въ очень-большихъ, въ нетрисетѣ, говорятъ, былъ да не покончилъ курса, тѣмъ и дѣло все спорчено. Нашъ-то посулилъ ему за труды пятьсотъ пѣлковыхъ, да вотъ, сердечный, и теперь за деньгами ходить, частенько-таки къ намъ навѣдывается...

Темное Лицо (*въ раздумьѣ*).

Да, кому какъ. Вонъ и у моего у папеньки было триста душъ въ Волинской губерніи. Снадзивымы, Распадовски, Тирункевичи, Жолондзи... всѣ ѣздили къ намъ... все папенька въ карты спустилъ!.. Несчастье такое!.. Въ службу вступилъ... вотъ здѣсь что-то случилось, по рожѣ пятна пошли (*указываетъ на лицо*). Говорятъ, нельзя такъ служить... видъ нехорошъ.

Филиппъ.

Нѣтъ, нашего-то тятенька былъ не изъ такихъ. Получалъ онъ наслѣдства отъ дѣдиньки всего два двора, хуторокъ въ Черниговской губерніи, а служить-то начиналъ въ Нижнемъ Земскомъ Судѣ; тамъ и науку всеіе произошелъ... Давно дѣло было, а какъ теперь гляжу... жили мы у вдовы у Авдотьи Васильевны; со всѣмъ и съ харчомъ ея платили два рубля въ мѣсяць... ланповъ-то мы не зажигаги, а въ судъ баринъ подымался еще гдѣ-гдѣ пѣтухи запоютъ... Воротится, бывало, въ третьемъ часу; ужъ я и слышу, коли пошелъ прямо въ сундучокъ подъ кровать, значитъ, была поживишка... А прослужилъ-таки человекъ безъ малаго сорокъ лѣтъ, да ужъ когда, ужъ былъ онъ совѣтникомъ, Михайлу-то Ваенличу шестнадцатый годокъ пошелъ, приѣхалъ новый начальникъ, сталъ порядки свои заводить, да на барина-то покапниваться, такъ тутъ-то онъ мнѣ сказалъ: «Ну, братъ, Филька, никакъ мы дослужили до зарубочки», да тѣмъ-же разомъ и ослобонился отъ должности. Такъ-то,

баринушко! *(Слышенъ изъ спальни звонокъ.)* Онъ взятковъ-то не бери: на што ему онѣ? ему тятенька кусокъ предоставилъ; а коли служить пошелъ, такъ знай свою работу: а то что такъ-то небо коптить: и мѣсто у добраго человѣка отымаесть, да и начальство-то вводитъ въ грѣхъ. *(Опять звонокъ.)* Кто говоритъ про взятки? Ништо взятки дѣло хорошее? Вонъ и баринъ покойникъ, какъ сталъ помирать, такъ тутъ ему все вспоминаться зачало. «Скажи, говоритъ. Филиппъ, Мишенькѣ, чтобъ жилъ правдой... тяжело умирать грѣшнику... вотъ, говоритъ, теперь, о чемъ и тридцать лѣтъ не вспоминалъ, такъ и то все представляется *(плачетъ)*, и вдовы и сироты по обѣ стороны уставились... Охъ! хорошо, говоритъ, на свѣтѣ жить было; думалъ, вѣкъ проживу, а куда страшно къ Царю Небесному представиться... Такого-то жалостно наказывалъ... *(Слышенъ третій звонокъ.)* Вона! зазвонили колокола!.. Ну, батюшка, съ Богомъ!.. Достанется мнѣ...

Темное Лицо *(въ сторону)*.

Все лучше, какъ выпросишь... *(убываетъ на цыпочкахъ въ среднюю дверь. Филиппъ бросается въ спальню и встрѣчается съ Лисицкинымъ).*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Филиппъ и Лисицкій *(въ домашнемъ утреннемъ сюртукѣ)*.

Лисицкій.

Что это, Филиппъ, тебя не дозовешься!.. И что у тебя за манера, вѣчно съ самимъ собой разговаривать!.. Я ужъ пѣлый часъ слушаю...

Филиппъ.

Да съ кѣмъ же, сударь, мнѣ и поговорить? Вы, чуть что вамъ доложишь, изволите гнѣваться... Васька, вонъ, и съ нашей стороны, хошь бы про домашнее дѣло какое слово перекинули, такъ все вражій сынъ, чуть минута, съ магазейщицами, что противъ двери нашей, растабарываетъ... словно пса какого, прости Господи, отъ двери-то не оттащишь... Съ груномъ-то, съ вашимъ, ништо толковать я стану?.. Такъ я, правду вамъ доложить, не почитаю его и породы-то человѣческой...

Лисицкій *(между-тѣмъ сълзъ за письменный столъ и разбираетъ бумаги)*.

Это что за письмо?

Филиппъ.

Признаться, вечеръ доложить запамятовалъ. Изъ деревни. отъ новаго управителя, Ванька-Гвоздь пріѣхалъ, такъ это онъ и привезъ. Чай, изволите помнить Ваньку: Микитквыны прозываются... мужики хорошіе... при папенькѣ, при покойникѣ, первый домъ почитался, а вотъ теперъ сказываютъ... (уходитъ).

Лисицкій (распечатываетъ письмо).

Ну, хорошо, хорошо... Посмотримъ, что-то пишетъ мой новый управитель?... (Читаетъ.) «Ваше высокородіе! Вступивъ «въ отправление своей новой должности, я встрѣтилъ въ «людяхъ вашихъ, дворовыхъ, одно велерѣчіе, въ словахъ— «противорѣчіе, а въ сюжетахъ—одну медленность. Аннушкѣ «Зайцевой предписывалъ правила нравственности, чтобъ «гардинки были вычищены, но она отвѣчала мнѣ на сіе «грубо, за что мною послѣдовало ей пять плюхъ...» Помыдуите! что это за чепуха? Посмотрю, что далѣе? «Насчетъ доходовъ...» А! вотъ, вотъ главное!.. «насчетъ «доходовъ доложу вашему высокородію, что не извольте «въ семь году ожидать ихъ: преемникъ мой, отъ котораго «я принялъ ваше имѣніе, Богъ его знаетъ, что дѣлалъ; а «я, какъ еще матушкѣ Великой Екатерины служилъ и какъ «Богу, такъ и вамъ. Мужички ваши разорены: у троихъ «одна соха; а что, развѣ, съ вина получится, то надо «будетъ отправить въ Совѣтъ. Становому это я точно, по «приказанію вашего высокородія, изволилъ докладывать. «чтобъ недоимку пообождалъ, что, молъ, баринъ въ Петер- «бургѣ служить и такое мѣсто занимаетъ; такъ онъ на это «мнѣ вопъ что сказалъ: «Ладно, говоритъ, баринъ твой не «прійдетъ сюда передъ начальствомъ меня оправить, а тутъ, «говоритъ, на мой счетъ изъ губерніи нарочныхъ посылаютъ». «Еще осмѣляюсь донести вашему высокородію: вчерашняго «числа было у насъ въ имѣніи прошеніе и моленіе о «ниспосланіи дождевой капли...»

Дуракъ! во всемъ письмѣ только и есть положительнаго, что не будетъ дохода съ имѣнія... Болванъ!.. да развѣ я за этимъ туда его послалъ? И когда онъ мнѣ это пишетъ? тогда—какъ мнѣ нужны... что я говорю нужны? необходимы деньги болѣе, нежели когда-нибудь... Луиза проситъ... Дюсо требуетъ... наконецъ, нужно же жить... поддерживать связи... Тутъ перехватываешь на мѣсяць, на два, по десяти

процентовъ платишь, а онъ, въ утѣшеніе пишетъ, что только у него и дохода, что послать въ Опекунскій Совѣтъ...

Филиппъ *(подаетъ ему чай)*.

Тамъ этотъ, съ бородкой-то что ходитъ, Василій Игнатьичъ, что ли, дожидается, да еще съ нимъ какой-то новый, такъ изъ себя, не очень чтобъ старъ и немолодъ...

Лисицкій.

Э, Боже мой! такъ что жъ ты мнѣ не скажешь?...

Филиппъ.

Приходили отъ Дюса со счетомъ, да кое-кто еще по этой части, такъ тѣхъ я прогналъ...

Лисицкій.

Ну, хорошо... хорошо... Проси сюда Василья Игнатьича... *(Филиппъ говоритъ въ среднюю дверь: «Пожалуйте» и уходитъ въ маленькую дверь направо.)* Посмотримъ, что-то еще этотъ скажетъ...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лисицкій и Темное Лицо.

Лисицкій.

А! любезнѣйшій Василій Игнагъичъ! Ну, батюшка, я ужъ думалъ, вы совсѣмъ пропали...

Темное Лицо.

Избави Богъ совсѣмъ пропасть... что вы это, Михайло Васильичъ! Нѣтъ, тутъ у меня случилось одно дѣло, за которымъ я зѣхалъ-было въ Гадчину, думалъ получить 200 цалковыхъ, анъ вышло опять ничего, только напрасно своихъ двухъ рублей проѣздилъ. Я вамъ скажу, у меня столько теперь случаевъ!.. Когда бы мнѣ только двадцать-пять рублей, чтобъ выкупить платье, я бы тысячу заработалъ въ двѣ недѣли. А этакъ нельзя никуда показаться...

Лисицкій.

Ну, а какъ наши дѣла?

Темное Лицо.

Да что наши дѣла! наши дѣла плохи... Слушайте: къ Фальку, о которомъ я докладывалъ вамъ, что даетъ подъ заемныя письма, нельзя мнѣ тепереча и показываться... Когда бы хоть одинъ человѣкъ изъ всѣхъ, которые черезъ меня занимали у него деньги, хоть одинъ бы ему отдалъ,

а то ни одинъ не платить... Гульницкій тоже говорить: «я ужъ, говорить, батюшка, ученъ, какъ давать подъ заемныя письма»... Лизавета Ивановна... у ней и есть деньги, да говорить еще прежнихъ не получила...

Лисицкій.

Но вѣдь мнѣ всего на одинъ мѣсяць... Я не далѣе, какъ сію минуту, получилъ письмо отъ моего управителя... Онъ пишетъ, что вышлетъ пять тысячъ черезъ двѣ недѣли...

Темное Лицо.

Ну, да вѣдь я и привелъ Ивана Петровича Андреева; съ этимъ на одинъ еще мѣсяць сойдтись можно, а болѣе и я-бъ не совѣтоваль... Повремените крошечку... *(присъдаетъ, опрокидываясь назадъ, и щелкаетъ вверхъ пальцами)*. Вотъ, можетъ, я и добуду свое платье... *(задумывается)*.

Лисицкій.

Да когда же мнѣ дожидаться, пока вы добудете ваше платье... тогда-какъ мнѣ деньги нужны каждую минуту?.. Вѣдь тутъ Петербургъ, Василій Игнатьичъ?

Темное Лицо.

Знаете что? Вы дайте мнѣ двадцать рублей...

Лисицкій.

Да какіе тутъ двадцать рублей, когда у меня и рубля теперь нѣтъ!..

Темное Лицо.

Ну, какъ можно, рубля чтобъ не было? у васъ пятьсотъ душъ!

Лисицкій.

Прекрасно, пятьсотъ душъ—состояніе порядочное, и, конечно, ежели бы я, служба, не обязанъ былъ жить здѣсь, въ Петербургѣ, я былъ бы однимъ изъ достаточнѣйшихъ людей въ нашей губерніи... Такъ неужели же я трудился, учился, кончалъ курсъ десятымъ классомъ—и все это для того, чтобъ погрязнуть въ какой-нибудь деревнѣ, посреди неучей-мужиковъ и неотѣсанныхъ помѣщиковъ... или засѣсть въ канцеляріи какого-нибудь губернатора съ людьми, неимѣющими даже и понятія о жизни, во всемъ значеніи этого слова, и какъ только понимаемъ мы ее здѣсь?.. А возьмите вы долгъ гражданина, человѣка преданнаго вполне своему отечеству, и скажите сами, могъ ли я не служить?.. Я буду въ провинціи, но когда? Тогда-какъ буду

въ состояніи занять тамъ одно изъ первыхъ мѣстъ, когда буду въ силахъ, по положенію моему, преобразовать ту часть управленія, которая будетъ мнѣ ввѣрена, такъ, какъ понимаю дѣло это я самъ...

Темное Лицо.

Такъ... все такъ, Михайло Васильчъ... да вѣдь доходу-то у васъ есть тысячь двадцать, а вамъ однимъ-то прожить за глаза бы и пять...

Лисицкій.

Вы, мой любезнѣйшій Василій Игнатъичъ, вещей этихъ не понимаете... Мнѣ жить нельзя иначе... вѣдь нужно жъ поддерживать связи, родство, нужно дѣлать карьеру. Я жертвую своимъ всѣмъ затѣмъ, чтобъ достигнуть того положенія, въ которомъ я буду въ-состояніи приносить дѣйствительную пользу отечеству содѣйствіемъ моимъ къ искорененію подлаго взяточничества между чиновниками, водворенію правды въ судахъ, улучшенію быта крестьянъ...

Филиппъ (*вошелъ при послѣднихъ словахъ*).

Осмѣлюсь доложить, Михайло Васильчъ, Ванька-Гвоздь объясняетъ, управитель-то новый больно ужъ тово...

Лисицкій (*съ досадою*).

Э, Боже мой! Филиппъ! ты вѣчно не во-время сунешься?..

Филиппъ (*со вздохомъ*).

Слушаю-съ... (*уходитъ*).

Темное Лицо (*въ раздумьѣ*).

Есть у меня случай... вѣрнѣй... ну, да это совсѣмъ особое дѣло...

Лисицкій.

Да чтò жъ такое?

Темное Лицо.

Вотъ когда бъ мнѣ кто-нибудь службу доставилъ... ужъ услужилъ бы я тому этакимъ случаемъ... Слушайте: тысячи на три будетъ.

Лисицкій.

Давно бъ вы сказали мнѣ, любезнѣйшій Василій Игнатъичъ... Послушайте, вѣдь вамъ все равно, гдѣ бъ не служить?.. Между нами: я... очень-скоро долженъ получить мѣсто въ губерніи... хотите ѣхать со мной?..

Темное Лицо (*серьёзно*).

Это вѣрно?

Лисицкій.

Какъ то, что я съ вами говорю...

Темное Лицо (*приходитъ въ прежнее
положеніе*).

Ну, слушайте жъ: когда такъ, я васъ познакомлю съ такимъ человѣкомъ... Милосердый фамлія, коллежскій секретарь... у него своихъ денегъ нѣтъ, правда, но онъ вамъ такое дѣльцо состряпаетъ, что мое почтеніе... Ужъ будете благодарны!..

Лисицкій.

Ну, и прекрасно! Зовите жъ мнѣ вашего Андреева и ступайте за тѣмъ... за другимъ...

Темное Лицо.

А слово жъ, ваше слово—не забудете?..

Лисицкій.

Вотъ вамъ моя рука!

Темное Лицо (*пожавъ руку, идетъ къ средней двери и говоритъ:
«Иванъ Петровичъ, пожа-
луйте!» пропускаетъ Ан-
дреева въ дверь и исче-
заетъ*).

Лисицкій (*смотря ему въ слѣдъ*).

И этакой-то гадинѣ я долженъ давать руку!..

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лисицкій и Андреевъ (*гладко-причесанный, чисто-выбритый старичекъ, одѣтъ въ довольно-длинный сюртукъ, глядитъ из-подлобья*)

Лисицкій.

Прошу покорно, почтеннѣйшій... Вотъ, Василій Игнатьичъ говорилъ мнѣ, что онъ съ вами знакомъ и что съ вами пріятнѣе имѣть дѣло, нежели съ кѣмъ-нибудь другимъ...

Андреевъ.

Да это что, сударь, знакомство Василія Игнатьича! вѣдь онъ со всѣми знакомъ, кто хоть мало-мальски отдаетъ деньги, а пріятность-то все одна: хоть у меня изволите занять, хоть у кого другаго...

Лисицкий.

Ну, какъ же вы, мой почтенѣйшій, на какихъ условіяхъ намѣрены ссудить меня... конечно, подъ заёмное письмо?..

Андреевъ.

Нѣтъ, ужъ это, сударь, помилуй Богъ, подъ заёмное письмо; это ужъ послѣднее дѣло; нынче нигдѣ не изволите найти: не тѣ люди стали, довѣрія нѣтъ. А вотъ Василій Игнатьичъ сказывалъ на счетъ билетовъ, такъ это позвольте посмотреть. Признаться, и то времени не мало ужъ потрачено.

Лисицкий (*вынимаетъ изъ стола билеты и отдаетъ Андрееву*).

Вотъ, мой почтенѣйшій, на 1000 рублей Ссудной Казны, а эти на 1200 рублей изъ компанія...

Андреевъ (*взявъ билеты, надѣваетъ медленно очки и подымаетъ на носъ, разсматриваетъ билеты съ обиднымъ вниманіемъ и потомъ некоторые изъ нихъ возвращаетъ*).

Эти, сударь, мнѣ и даромъ ненадобны: одинъ пустой хламъ; а вотъ подъ серебрецо-то сколько жъ вамъ угодно?...

Лисицкий.

Да мнѣ хотѣлось бы рублей 500...

Андреевъ (*улыбается, глядитъ на него долго изъ-подъ очков*).

Полтора ста рубликовъ; больше никто не дастъ.

Лисицкий.

Но, послушайте, вѣдь мнѣ всего на одинъ мѣсяць...

Андреевъ.

Это, сударь, все равно-съ. Я уже, слава Богу, лѣтъ двадцать дѣлами-то этими занимаюсь; больше нельзя-съ...

Лисицкий.

Ну, а какіе же проценты?

Андреевъ.

По 15 на мѣсяць, чай Василій Игнатьичъ вамъ докладывалъ? (*достаетъ изъ кармана вчеты*.) Изволите получить 150

публиковъ, да теперь по 15 на сто — 15 рублей... на 50 рублей семь съ половиной—22 съ половиной. Вотъ и изволите черезъ мѣсяць уплатить мнѣ, сударь, 177 рублей 50 копеечекъ.

Лисицкій.

Но вѣдь послушайте же, мой почтеннѣйшій, вѣдь это безбожно!

Андреевъ.

Ужъ это, сударь, какъ изволите, расчетъ вашъ.

Лисицкій (*всторону*).

Неуже-ли же я въ-теченіе мѣсяца не успѣю ничего сдѣлать? Впрочемъ, и оставаться нельзя жъ безъ копейки. (*Ему*) Давайте деньги! А какъ же: долженъ ли я вамъ дать документъ какой-нибудь, или вы мнѣ что-нибудь дадите?

Андреевъ (*достаетъ бумажникъ, вынимаетъ деньги, сосчитываетъ и подаетъ Лисицкому, который кладетъ въ столъ*).

Вотъ извольте, сударь, 150 рублей ровно; а насчетъ документовъ: со стороны вашей я обезпеченъ билетами; а на мой счетъ не извольте беспокоиться.

Лисицкій (*нѣсколько горячо*).

Но какъ же вы не вѣрите мнѣ, человѣку служащему, котораго, наконецъ, всѣ знаютъ... и хотите, чтобъ я, такъ, просто, повѣрилъ вамъ...

Андреевъ (*достаетъ обратно билеты*).

Это какъ, сударь, будетъ вамъ угодно...

Лисицкій.

Довольно! Прошайте...

Андреевъ (*кланяясь почтительно*).

Желаю, сударь, быть здоровымъ (*уходитъ*).

Лисицкій (*долго глядитъ ему въ слѣдъ*).

| И вотъ съ какого сорта людьми я долженъ имѣть дѣло!...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лисицкій.

Вотъ она вамъ, служба!... Двѣнадцатый годъ тяну я эту канитель... Правда, что я и коллежскій совѣтникъ, ну, и

туть есть (показываетъ на шею); но надо же спросить; чего мнѣ это все стоило?.. И сколько, Боже мой! сколько твердости, самоотверженія было мнѣ нужно, чтобъ стать на ту ногу, на которой я теперь стою!.. Директоръ у насъ новый, человѣкъ молодой—ну, князь... ну, богачъ... съ нынѣшнимъ взглядомъ... говорить: у меня одинъ только трудъ да прямая честность получать награду... ну и вижу, косится... досадно! а нечего дѣлать, снесу... Мнѣ взять бы свое, а тамъ мы увидимъ (потираетъ руки). Однако, что жъ это нѣтъ Лизаветы Ивановны (смотритъ на часы); мнѣ ужъ пора (звонитъ; входитъ Филиппъ)... Одѣваться (уходитъ въ спальню; Филиппъ за нимъ).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Лизавета Ивановна (полная дама, разряжена въ-пухъ и не ходитъ, а порхаетъ по сценѣ. Вообще, любитъ прикинуться мѣтъ 25, влетаетъ изъ боковой двери въ углубленіи.)

Уфъ, Боже мой... устала ужасно!.. Шалунъ! пишетъ вчера по городской почтѣ, чтобъ непременно пріѣхала въ часъ (вынимаетъ часы); кажется, не опоздала... а ничего не сказала, за деньгами или по другимъ дѣламъ (садится на козетку)... Я думаю, что объ Оливкѣ... Представьте себѣ, какой шалунъ: вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ—слышите, на Петербургскую сторону пріѣзжаетъ, пріѣзжаетъ и говоритъ: «Позвольте узнать, не вы ли, говоритъ, статская совѣтница Декъ?» Я говорю: «титulyрная, мсье».. Слышите, онъ думалъ, я статская совѣтница... ахъ, какой шалунъ, право! Вдругъ говоритъ, у васъ есть деньги; у меня, говоритъ, такой случай... одолжите мнѣ на мѣсяць 500 рублей; я, говоритъ, вамъ десять процентовъ дамъ—слышите, слышите! ну, вижу, милый, милый; ну, самъ пріѣхалъ ко мнѣ, ну, вдругъ на Петербургскую сторону! Я отдала, отдала ему послѣдніе, ну, вижу, просто, такой милый!.. И вдругъ, что жъ? досихъ-поръ не отдаетъ, три мѣсяца; ужъ я послѣ это узнала, что ему отрекомендовалъ меня Василій Игнатьичъ—какъ его?.. забыла фамилью... ахъ, какой противный, фи!.. Только вдругъ что жъ? когда шалунъ этотъ у меня былъ, у меня сидѣла Оливка Волкова—знаете, жилища моя, квартирантка, квартирантка... Ну, и вдругъ, на другой день получаю я записку, записку—слышите, записку... шалунъ зоветъ къ себѣ. Пріѣзжаю, ну и вдругъ что жъ? слышите, говоритъ, понравилась! ужасть какъ понравилась! ваша чиновница, го-

ворить, понравилась—слышите, говорить, нельзя ли познакомиться? « Ахъ, ахъ, ахъ какой шалунъ!» говорю я. Ну, началъ просить; ну и я, знаете, они такіе бѣдные... ну, мужъ, это варваръ, варваръ, шляпки не купить... ну, знаете, мнѣ жалко стало: она графская воспитанница и вдругъ, слышите, слышите, шляпки не купить!.. Ну, вотъ теперь и хлопочу три мѣсяца; представьте, онъ ей подарки посылаетъ, она не беретъ и... вдругъ все это у меня остается! Ахъ, какія ужаси!.. И представьте себѣ, фамилію ея, говорить, я и знать не хочу... мнѣ, говорить, только имя, имя, говорить, ея... Ну, вотъ и теперь вѣрно о ней (*задумывается*). А грустно, очень грустно, когда вспомнишь, входя въ этакую дверь, что идешь только по порученію... по порученію только... Да, было время, когда и меня ждали съ нетерпѣніемъ (*вскрикиваетъ*)... Ахъ! кто-то чужой, чужой кто-то! (*бросается въ боковую дверь въ глубинъ; по вошедшее въ среднюю дверь Темное Лицо загоразживаетъ ей дорогу*).

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лизавета Ивановна, Темное Лицо и Милосердый (*последній одѣтъ франтомъ; небольшіе черные усы; вообще старается тонировать; войдя, кланяется Лизаветѣ Ивановнѣ и начинаетъ осматривать комнату*).

Темное Лицо.

Куда вы?...

Лизавета Ивановна (*останавливается*).

Туда, куда тебѣ нѣтъ дѣла, борода...

Темное Лицо.

Борода—а? А давно ли вы сами-то попали въ барыни?

Лизавета Ивановна (*возвращается и бросается на козетку*).

Когда бъ ни попала, да все же своимъ трудомъ денежки нажила, а не такъ, какъ ты, харя немытая! Вишь добрыхъ людей затаскиваетъ! (*Къ Милосердому*)... Вы думаете ему что? лишь бы стянуть съ того и съ другаго...

Темное Лицо.

Ш-ш-ш... что вы это, Лизавета Ивановна!.. вы подумайтежъ, гдѣ вы...

Лизавета Ивановна.

Я знаю—я гдѣ. Тебѣ нечего меня учить, борода нечеса-

ная! Какъ-бы, можетъ, не ты, и нога бы моя здѣсь не была (*смыкается*)... Да, коли вы точно благородный чело-вѣкъ, такъ вамъ стыдно дѣлать этакъ, Василиій Игнатьичъ..—

Темное Лицо.

Да что же я сдѣлать такое, Лизавета Ивановна? (*подсаживается къ ней*) что же я сдѣлать? что сказать, что вы имѣете деньги? такъ вѣдь это была ваша воля дать... вѣдь это какъ кому угодно: хотите дадите, хотите пѣтъ. Вотъ хоть бы теперь и Алексѣя Иваныча дѣло (*Милосердый подходитъ*), вѣдь я жъ ихъ пасильно не тяну!... Эхъ, Лизавета Ивановна, матушка, вы не думайте, чтобъ Василиій Игнатьичъ жилъ такъ всегда... и у моего у папеньки было 300 душъ въ Вольинской губерніи.

Лизавета Ивановна.

Мало ли что у чьего папеньки было!..

Темное Лицо.

И служилъ бы, да вѣдь меня что сгубило? вотъ (*показываетъ на лицо*): куда съ этимъ-то покажешься? въ Гражданской Палатѣ въ свидѣтели не возьмутъ!...

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и Лисицкій (*въ вицмундирѣ; на шеѣ видна лента. Направляется къ Милосердому. При появлении Лисицкого, Темное Лицо вскакиваетъ, но немножко отдаляется въ углубленіе сцены и начинаетъ разсматривать на стѣнахъ гравюры. Лизавета Ивановна, сказавъ bonjour, беретъ газету и остается на козеткѣ за чтеніемъ*).

Милосердый (*подходитъ къ Лисицкому*).

Коллежскій секретарь Алексѣй Иванычъ Милосердый...

Лисицкій.

Очень-пріятно... прошу (*указываетъ на кресло у стола, на другое садится самъ*), и какъ намъ обоимъ хорошо извѣстна причина нашего свиданія, то, я надѣюсь, мы теперь же и къ дѣлу приступимъ. Вы какой суммой можете ссудить меня?..

Милосердый.

Признаюсь, мнѣ, право, совѣстно... Нужно вамъ сказать, что вѣдь я вообще дѣлами такого рода не занимаюсь (*смотритъ ему прямо въ глаза*), ну а знаете, на службѣ, по чину, получаю въ годъ съ небольшимъ 200 рублей... время нынче такое, что—вы сами, какъ чело-вѣкъ служащій, ме-

ня понимаете—падо же чѣмъ-нибудь жить... словомъ, своихъ денегъ у меня нѣтъ, а ежели подняться на штуку...

Лисицкій (*глядитъ на него со всѣхъ
глазъ*).

То есть какъ это?

Милосердый.

Штука... Или, кажется, слово это васъ пугаетъ?.. Ну, вещь самая простая: у меня есть одинъ пріятель, челоѣкъ денежный; но, какъ вообще всѣ люди, трудомъ нажившіе деньги, слишкомъ-остороженъ. Въ настоящую минуту у него есть 2000. Поэтому я скажу ему, что имѣю знакомаго, вѣрнѣйшаго челоѣка... вы извините, пожалуйте... которому нужны 4000 рублей по 10 процентовъ на полгода; что двѣ тысячи даю я свои, а двѣ, въ такомъ случаѣ, предложитъ онъ и самъ, потому-что, какъ говорится, на людяхъ и смерть красна... Тогда вы дадите заемное письмо на наше общее имя въ 4000 рублей и получите отъ него двѣ, которыя вамъ нужны, а мнѣ пожалуете въ 2000 руб. расписку, которую бы я могъ ему показать...

Лисицкій.

Но, извините меня, не будетъ ли это имѣть видъ...

Милосердый.

Подлога, хотѣте вы сказать?.. Да, конечно, маленькаго... Но вѣдь другимъ путемъ вы денегъ не достанете.

Лисицкій.

Извините еще разъ... Я получу, говорите вы, 2000, которые и буду долженъ возвратитъ вашему знакомому? а относительно васъ?..

Милосердый.

Въ подобныхъ случаяхъ я, за труды и участіе въ дѣлѣ, беру десятый процентъ; но какъ мнѣ Василій Игнатьичъ говорилъ, что вы изволите получать мѣсто въ губерніи, то ежели бы я могъ надѣяться служить у такого благороднѣйшаго начальника... тогда мнѣ ничего и не нужно... ну и я всегда въ вашихъ рукахъ...

Лисицкій (*встаетъ, Милосердый тоже*).

Помилуйте, Алексѣй Ивановичъ... такъ, кажется? мнѣ во всякомъ случаѣ пріятно было бы служить съ челоѣкомъ столько свѣдущимъ и съ такими многосторонними познаніями, какъ вы...

МИЛОСЕРДЫЙ.

Итакъ, сегодня къ шести часамъ вечера потрудитесь приготовить заёмное письмо на имя губернскаго секретаря Степана Степановича Степанова, и мое, а я буду съ денежками и подлежащимъ субъектомъ (*сметается и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Лисицкій, Лизавета Ивановна и Темное Лицо.

Лисицкій (*чмокаетъ пальцы*).

Ну, вотъ за это спасибо, Василий Игнатьичъ! Признаюсь, я никакъ не ожидалъ достать сегодня же 2000 (*достаетъ изъ стола деньги*). Вотъ тебѣ, любезный другъ, 25 рублей, поди выкупай свое платье, а мы побесѣдуемъ съ Лизаветой Ивановной (*садится на козетку. Темное Лицо беретъ деньги какимъ-то особымъ жестомъ прямо въ свой карманъ и съ поклонами исчезаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Лисицкій и Лизавета Ивановна.

Лисицкій.

Ну что, милѣйшая моя, новаго?...

Лизавета Ивановна.

Я думала, вы мнѣ что-нибудь хорошенькое скажете... надѣялась свои деньги получить.

Лисицкій.

Видишь, видишь какая сребролюбивая! (*нѣжничаетъ, ложится къ ней на плечо и играетъ локономъ*) все бы ей деньги!.. а что для меня сдѣлала—а?..

Лизавета Ивановна.

Перестаньте, шалунъ! (*отклоняется*). Слышите, слышите, что сдѣлала? А какъ же? вы брали на мѣсяць и вдругъ теперь три мѣсяца не платите..

Лисицкій.

Завтра получите всѣ... вы слышали давеча? Ну, а что наша чиновница?

Лизавета Ивановна.

Чиновница? вы все о томъ же! Ахъ, ахъ шалунъ какой!.. Я думала, вы ужъ забыли о ней, а она, представьте себѣ, душка какая, начинаетъ сама ужъ о васъ спрашивать и по-

дарки надѣваетъ... Говорить: «ахъ, еслибъ гдѣ-нибудь его увидѣть!» Душка, душка, просто душка! Я все ей про васъ рассказываю, какъ вы ее любите... ну и все... Вотъ ежели бы вы ей сегодня чтонибудь послали: какъ бы она обрадовалась... ахъ, какъ бы обрадовалась!

Лисицкій.

Да что жь послать? Возьмите деньги и купите что сами знаете (*достаетъ изъ стола и даетъ ей 50 рублей*). Только знаете ли что, Лизавета Ивановна? нельзя ли скорѣе видѣться съ нею?

Лизавета Ивановна.

Ахъ, ахъ какой нетерпѣливый! скажите, пожалуйста!... Я и тогда ужасъ какъ удивилась... вдругъ пріѣзжаете занимать деньги и потомъ, на другой день, смотрю, вдругъ записка, къ себѣ просите... думаю, что такое?... пріѣзжаю, и вдругъ что жь? вы говорите, понравилась вамъ моя жилица, квартирантка моя... Мнѣ, право, тогда такъ совѣстно было отъ васъ это выслушать...

Лисицкій.

Ну, полно, полно, Лизавета Ивановна! Ну, такъ когда же?..

Лизавета Ивановна.

Да когда?.. (*подумавъ*). Пріѣзжайте хоть завтра часу въ первомъ: самого-то не будетъ—уйдетъ въ департаментъ; только помните, къ нимъ дверь направо... идите прямо туда, будто ошибкой, меня ищите... она будетъ одна... ну а тамъ остальное отъ васъ ужь будетъ зависѣть. Да что, право, въ такихъ дѣлахъ что откладывая, то хуже...

Лисицкій.

Вы говорите это по воспоминанію? (*обхватываетъ ее за талию*).

Лизавета Ивановна (*зажимаетъ ему ротъ, но не вырывается*).

Ахъ, полноте!.. ахъ, ахъ шалунъ этакій! Только знаете что? Я ужасно боюсь ея мужа; бѣда, бѣда, ежели узнать! Ахъ варваръ, варваръ... ахъ варваръ какой!..

Лисицкій.

Ну, что мужъ? какой-нибудь канцелярскій чиновникъ... Я ему дамъ мѣсто...

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ.

Филиппъ (громко).

Волковъ, Александръ Петровичъ!

Лизавета Ивановна.

Ахъ! (взвизгиваетъ и убѣгаетъ въ боковую дверь въ углубленіи).

Лисицкій (Филиппу).

Какъ испугалъ! Прости.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Волковъ (въ вицмундирь, съ портфелемъ, входитъ, всторону).

Попробую еще разъ. А если нѣтъ, тогда... что тогда? О! страшно подумать!.. Уже ли жъ, Боже мой, судьба надо мной не сжалятся?..

Лисицкій.

Здравствуйте батюшка! Что скажете?

Волковъ.

Я, Михайло Васильичъ, къ вамъ... Миѣ, право, совѣстно...

Лисицкій.

Что? не нужно ли вамъ что-нибудь по службѣ? Мое вліяніе, вы знаете...

Волковъ.

Нѣтъ, Михайло Васильичъ, благодарю покорно. Служба моя идетъ какъ ей судьбой назначено... а вотъ хотѣлъ бы васъ просить...

Лисицкій (перебивая).

Что это у васъ за портфель?..

Волковъ.

Это дѣло о дочери штабсъ-капитана Суздальцева и помѣщикѣ Яриковѣ. Начальникъ отдѣленія приказалъ взять на домъ докладъ написать... Я бы хотѣлъ просить васъ, Михайло Васильичъ, на счетъ...

Лисицкій (перебивая, поглядываетъ на дверь).

Ахъ, какъ же вы это такъ неосторожны: берете на домъ дѣла!

Волковъ (съ нетерпѣніемъ).

Что же-съ, я, благодаря Бога, служу въ департаментѣ два года, и у меня ничто не пропадало. Я пришелъ, Михайло Васильичъ, просить васъ о деньгахъ...

Лисицкий.

Ахъ, вы все о томъ же! Денегъ у меня теперь нѣтъ—вотъ все, что я могу сказать вамъ въ эту минуту. Подождите не болѣе мѣсяца, и вы получите все.

Волковъ.

Но, Михайло Васильичъ, я жду ужъ другой годъ.

Лисицкий.

Ахъ, Боже мой! неужели же вы не можете и этого сдѣлать: подождать еще мѣсяць? Признаюсь, я даже не радъ, что связалъ себя этимъ дѣломъ...

Волковъ.

Послушайте, Михайло Васильичъ! Пока я могъ, я васъ не безпокоилъ, и повѣрьте, никогда бы не напомнилъ вамъ объ этихъ деньгахъ, ничтожныхъ для васъ, судя по той роскоши, которою вы себя обставили, а необходимыхъ для меня въ эту минуту болѣе, нежели когда-нибудь. Еслибъ я былъ, какъ вы, одинокъ; но у меня жена, двое дѣтей больныхъ, которыми, говорю откровенно, мнѣ нѣ на что купить лекарства... Наконецъ, я имѣю долги, которые сдѣлать былъ вынужденъ и которые болѣе меня не ждутъ...

Лисицкий.

Вотъ такъ-то вы и всѣ, господа!.. Получаете какихъ-нибудь двадцать рублей въ мѣсяць содержанія, а тоже то-ропитесь жениться; женитесь какъ-нибудь и потомъ рассказываете всѣмъ: у меня жена, дѣти... Да кому до этого надобность, скажите пожалуйста?.. И наконецъ долги... зачѣмъ же вы ихъ дѣлали, когда не въ-состояніи заплатить?..

Волковъ (горячится).

Довольно, Михайло Васильичъ! Я вовсе не за наставленіями пришелъ къ вамъ. Не милостыни прошу я у васъ, я требую платы за трудъ. Вамъ угодно было отличиться, показать, что и вы умѣете что-нибудь дѣлать: вы обратились ко мнѣ, какъ къ старому товарищу, съ просьбой написать вамъ проектъ, за который получили вы... не назову что, и за который обѣщали заплатить мнѣ пятьсотъ рублей. Дорого мнѣ стоило согласиться на ваше предложеніе, продать вамъ мысль мою... мое дѣтище... но я отдалъ его вамъ не за деньги ваши—не думайте, а затѣмъ, чтобъ хоть подъ вашимъ именемъ принесъ онъ пользу, которой я отъ него ждалъ... Годъ цѣлый водили вы меня, и, надѣясь только

на ваше обѣщаніе, я сдѣлалъ долгъ, котораго, безъ этого, я вѣрно не сдѣлалъ бы... У меня умерла мать, и мнѣ нѣтъ было схоронить ея... у меня, говорю вамъ, умираютъ дѣти, и мнѣ нѣ на что купить имъ лекарство... а вы предлагаете мнѣ подождать еще мѣсяць!.. Стыдитесь, Михайло Васильичъ!.. У васъ на ваши прихоти выйдетъ въ иной день больше, чѣмъ прошу я у васъ за цѣлый годъ ожиданія...

Лисицкій (обнаруживалъ нетерпѣніе съ начала монолога и теперь всталъ и началъ ходить, время-отъ-времени останавливался).

Удивительно, право, какъ это вы, господа, такъ близко все къ сердцу принимаете! Ну, нѣтъ денегъ, что прикажете дѣлать?.. И особенно вы, господинъ Волковъ... Мнѣ странно, какъ это вы такъ мало дорожите службой? Вы знаете отношенія мои къ начальству; вы знаете, что мнѣ стоить сказать слово... и рѣшаетесь такъ дерзко говорить... Наконецъ, вы и такъ потеряли уже много по службѣ и тѣмъ, что не кончили курса...

Волковъ (съ грустью).

Не вамъ бы объ этомъ говорить, Михайло Васильичъ! Вы хорошо знаете причину, по которой не кончилъ я курса, и я знаю, какъ кончили его вы. Мнѣ какъ не знать! вѣдь я писалъ и диссертацию... Вы, напримѣръ, кандидатъ, стало-быть, человекъ образованнѣйшаго ума и сердца, а не стыдитесь же вы сказать въ глаза ничтожному канцелярскому чиновнику, что за просьбу его объ отдатъ вашего долга вы, можетъ-быть, рѣшитесь какими-нибудь темными путями липить его и послѣдняго куска хлѣба; а этотъ недоучившійся, ничтожный канцелярскій чиновникъ, имѣя въ рукахъ всѣ данныя на то, чтобъ обличить васъ самихъ, ни при какихъ обстоятельствахъ не рѣшится на это, потому только, что далъ вамъ слово сберечь вашу тайну. Отчего же это такъ, Михайло Васильичъ? Оттого, что какъ ни завертываются вы въ тогъ листъ, съ которымъ пустили васъ по свѣту, дѣйствительная жизнь всегда васъ выведетъ на чистую воду!

Лисицкій (который стоялъ дотогу у окна, спиной къ Волкову, съ руками за спину, говоритъ всторону).

Наглое животное!.. Однакожь, надо же съ нимъ чѣмъ-

нибудь кончить... (Ему). Скажите, пожалуйста, г. Волковъ, ежели вы человекъ женатый, у васъ дѣти: для чего же вы сюда прѣехали?.. Служили бы въ провинціи; тамъ, говорятъ, есть такія мѣста, на которыхъ человеку семейному, въ нашемъ чинѣ, жить можно... Вотъ, напримѣръ, я надѣюсь скоро получить назначеніе въ губернію, ежели не по нашему вѣдомству, такъ по другому... вѣдь вы знаете, у меня вездѣ есть связи... Хотите, я дамъ у себя вамъ мѣсто... (всторону) да и сверну послѣ шею.

Волковъ.

Благодарю васъ, Михайло Васильчъ. Служилъ я на этихъ мѣстахъ, да я для нихъ не гожусь...

Лисицкій.

Не годитесь... отчего же? Вы, кажется, годитесь на все?..

Волковъ.

Благодарю еще разъ, Михайло Васильчъ, за лестное мнѣніе... а не гожусь потому, что не могу понять вотъ чего: неужели, думаю я, если прійдется мнѣ, по обязанности службы, отвезти кому-нибудь на домъ бумагу, и тотъ мнѣ, дворянину, за это дастъ деньги, то я ихъ возьму такъ же точно, какъ взялъ ихъ мальчишка-сапожникъ, принесшій за часъ до-того ему сапоги?.. Уже ли за то, что я сдѣлаю доброе, честное дѣло по службѣ, меня наградить не служба же, а тотъ господинъ, до котораго оно касалось; да притомъ же не затѣмъ развѣ меня и посадили, чтобъ я дѣлалъ добрыя и честныя дѣла?.. Уже-ли же мнѣ, которому, конечно, никто не подастъ рубля серебромъ въ обществѣ, не стыдно принять этотъ же рубль съ той минуты, какъ я облекся во фракъ съ свѣтлыми пуговицами и засѣлъ на свое ежедневное сѣдалище?.. Уже-ли же, наконецъ, я, который бы удавился собственными руками, еслибъ по какому-нибудь дьявольскому навожденію, укралъ гдѣ-нибудь... хоть мѣдную пуговицу... я не постыжусь воровать и деньги, и сѣно, и... и... и даже самыя пуговицы?.. Вотъ отчего не гожусь я на мѣста, о которыхъ вы говорите мнѣ; а что касается до моего маленькаго чина, то... (входитъ Филиппъ).

Филиппъ.

Тамъ баринъ какой-то прѣехалъ... фамиліи не сказывается: изъ губерніи, говоритъ...

Лисицкій.

Проси. Ну вотъ что, любезнѣйшій г. Волковъ, я вижу, вы

успѣли усвоить себѣ прекрасный взглядъ... Заходите ко мнѣ завтра часовъ въ двѣнадцать, я мы потолкуемъ. (*Второну.*) Меня не будетъ дома.

Волковъ.

А какъ же насчетъ денегъ, Михайло Васильичъ?..

Лисицкій.

Я постараюсь приготовить...

(Волковъ кланяется, уходитъ и встрѣчается съ Иваньчиковымъ, который быстро его осматриваетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Лисицкій и Иваньчиковъ (мужчина ровный; лицо—что называется, ударъ, такъ пузыря не вскочитъ; безъ бакенбардъ и усовъ; причесанъ съ височками; въ застегнутомъ до верху сюртукъ; галстухъ черный безъ воротничковъ; въ рукахъ фуражка; вѣсто Хрисафа, называетъ себя Фрисафъ, а въ третьемъ лицѣ глаголъ, послѣ буквы т на концѣ употребляетъ вѣсто ѣ).

Иваньчикъ вѣ.

Губернскій секретарь Фрисафъ Семеновъ Иваньчиковъ, привезъ, сударь, письмоцо вамъ отъ ихъ сіятельства графа Валеріана Оедоровича Икса. (*Подаетъ письмо.*)

Лисицкій.

Отъ графа Валеріана! Ну какъ, скажите, пожалуйста, онъ у васъ тамъ поживаетъ? Садитесь...

Иваньчиковъ.

Да ничего, сударь, живутъ-себѣ, полкомъ у насъ командуютъ.

Лисицкій (*распечатываетъ письмо*).

Вы извините меня, пожалуйста... (*Читаетъ*). «Cher Michel! «рекомендую тебѣ нашего исправника: золотой человекъ! «заѣдешь къ нему—угоститъ на-славу; мастеръ пополевать «съ собаками. Онъ мнѣ подарилъ бѣлку... первая сс. мм. «въ губерніи! ну и насчетъ клубнички: услужитъ какъ никто. Не знаю, за что ваше штатское начальство на него «взѣлось. Разказывалъ онъ что-то, да я ничего не понялъ. «Пособи ему, пожалуйста, для стараго товарища. Твой Валеріанъ, гр. Иксъ». (*Къ нему*). Графъ цышетъ о васъ въ са-

мыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Скажите, пожалуйста, чѣмъ могу я вамъ служить?..

Иваньчиковъ (который осматривалъ комнаты съ ироніей и потомъ шожалъ табакъ).

Да вотъ, сударь, обижаютъ и самъ не знаю за что... не знаю за что; такъ, вдругъ, не понравился ихъ превосходительству, губерніи начальнику!

Лисицкій.

Но что же, у васъ есть здѣсь какое-нибудь дѣло? Мое вліяніе я готовъ, если могу, гдѣ пужно, употребить...

Иваньчиковъ.

Собственно у меня, сударь, дѣла никакого бы не было, да былъ у насъ помѣщикъ Яриковъ, Степанъ Афанасьичъ, человекъ нестарый и будто-бы и не дуракъ... ну, и изъ себя ничего, виднѣй... восемьсотъ душъ имѣлъ — не игрушка какая!. Поболтался таки въ полку годиковъ съ пятокъ... ну, и вышелъ корпетомъ въ чистую... пріѣхалъ въ имѣнье, охоту завелъ... музыку-съ... хоръ изъ своихъ дѣвушекъ образовалъ, сударь... и такъ-то все это хорошохонько... у каждой своя отдѣльная горенка, а дѣла у нихъ только и было, что при гостяхъ повеселить, да какъ ввечеру почивать станеть ложиться, такъ которая-нибудь прійди да попой, пока баринъ заснетъ... Ну и ничего, сударь, и жилъ бы да жилъ-себѣ Османомъ-пашей такимъ.. такъ вотъ нѣтъ, сударь, хоть ты горло залей человекъу золотомъ, ему все мало!.. (Шожаетъ табакъ.)

Лисицкій.

Ахъ, вотъ именно, именно вы правду сказали, хоть горло залей!

Иваньчиковъ.

Была-жила, сударь, по сосѣдству, такъ, верстахъ въ двухъ, хуторокъ небольшой, усадѣбка, вдова капитанша съ дочкой. Ну ужъ, правду сказать, ягодка! Опъ, суларь, возьми да и увидь ес... Сталь, знаете, поѣзживать, да тамъ то, да другое, турусы на колесахъ разныя... Дѣвка-то возьми да и влюбись въ него... Ну, а мать что? мать баба-дура, и капитанъ-то женился на ней послѣ паливочнаго возпійнія... Вотъ сударь, опъ возьми да и замани ягодку-то въ свой садокъ. Мать-было взбѣленилась, кричить: жениться заставлю! Опъ ей тысячу, да попоилъ недѣлку-другую... ну и обошлось, и

ничего. Только поѣхалъ онъ, сударь, въ коренную ярмарку— это ужъ будто мѣсяца черезъ три — да оттуда въ Москву прокатилъ за цыганами... Тамъ мѣсяца три прокуражился, а на тотъ грѣхъ у насъ въ уѣздѣ перемѣнили полкъ... народъ молодой, свѣжій—одно слово: съ вѣтерка! Пошли шпырять, гдѣ кто покрасивѣе изъ женскаго пола... Случись на ту пору прапорщикекъ, такъ еще пушокъ чуть показывался... ну извѣстно, молодое къ молодому и льнуть: врѣзались, сударь, съ капитаншиной дочкой другъ въ дружку такъ, что и водой не разольешь! Онъ, сударь, къ ней; да вѣдь какъ? не то, чтобы... а, говорить, женюсь. Она, знаете, объясняетъ ему, что, молъ, такъ-и-такъ, глупость, говорить, моя была этакая—ничто не беретъ! Ну и пошло по уѣзду!.. А онъ, сударь, султанъ-то турецкій, возьми да и воротись... А былъ у насъ помѣщикъ, пройдоха этакая... да ему на-смѣхъ: «честь имѣю, говорить, Степанъ Аванасъичъ, съ свадебкой поздравить *(встаетъ и кланяется)*; Марья Гавриловна, говорить, замужъ выходить... Какъ воротился, сударь, тотъ-то домой изъ гостей, да какъ заореть: «послать за капитанской дочерью!» а самъ-то, сударь, стаканъ за стаканомъ давай посылать на лобъ... Поѣхали—привезли... Какъ такъ? говорить... Что-жъ, говорить она, Степанъ Аванасъичъ, какая ваша любовь! погубили только мою молодость, да бросили. а онъ меня въ-самомъ-дѣлѣ любить... Какъ, сударь, она слово-то это выговорила, какъ поцало ему что-то подъ-руку...

Лисицкій *(слушавшій со вниманіемъ, вскакиваетъ)*.

Что вы говорите?.. неужели?..

Иваньчиковъ *(шюхаетъ табакъ)*.

Нѣтъ, сударь, дѣло-то иначе вышло: наутро нашли ее, сердечную, на дорогѣ къ хутору... Съѣхали это мы съ временнымъ отдѣленіемъ производить слѣдствіе... Что-жъ бы вы, сударь, думали? вѣдь сознались разбойники—камердинеръ съ кучеромъ... *(Шюхаетъ табакъ)*.

Лисицкій.

Но, однакожь, судя по вашему разсказу, согласитесь сами, нельзя не подозрѣвать самого этого господина... какъ вы его называли?..

Иваньчиковъ.

Яриковъ. Степанъ Аванасъичъ.

Лисицкій.

Да, да, Яриковъ; нельзя же не подозревать его...

Иваньчиковъ.

Да теперь-то, сударь, оно будто-бы и такъ, ну а вѣдь тогда писали, что они разбойники показывали... такъ на томъ и судъ рѣшилъ... Да это ужъ послѣ, капитанша-то — кто-нибудь надоумилъ: извѣстно, не безъ злыхъ людей — и хлысть просьбу куда слѣдуетъ; ну и пошло, и пошло... Вѣдь оно ужъ, признаться, дѣло-то это немало годковъ продолжается: ужъ и помѣщикъ-то и людишки-то перемерли... губернаторъ третій ужъ у насъ смѣняется... Да вотъ то-то, послѣдній-то, мѣсяца два прѣвѣаль, наткнулся на дѣло это, да и говорить: «какъ, говорить, каналью этакую» извините — не мной слово сказано — «на службѣ терпѣть?» Это на мой счетъ, сударь; еще, говорить, дѣйствія его разсматриваться будутъ... Ну и удалилъ, сударь, удалилъ отъ должности... Да помилуйте же вы меня, Бога ради, какія тутъ дѣйствія? Чистосердечное сознание есть? — Есть? — Топоръ представленъ? — Представленъ... Кровь оказалась? — оказалась... Я даже тутъ и дѣйствій-то никакихъ не вижу...

Лисицкій.

Такъ извините меня, я все не пойму никакъ, что же вамъ отъ меня угодно?..

Иваньчиковъ.

Да вѣдь теперь, сударь, дѣло-то это сюда пожаловало и чуть-ли у васъ не будетъ разсматриваться... Такъ вѣдь мои дѣйствія только и остѣлись, сударь; ну, а сами, сударь, знать изволите: на всякое дѣйствие какъ поглядишь: этакъ оно какъ будто бы и ничего, и хорошохонько... ну, а опять съ другой стороны, такъ, пожалуй, придется посмотреть и на макарьевскую ярмарку... (*Нюхаетъ табакъ.*) Вотъ это-то, сударь, признаться, мнѣ больно бы нежелательно... не пожалѣлъ бы и тысьчонки-другой...

Лисицкій.

Ну, у насъ, батюшка, деньгами вы ничего не сдѣлаете; это не у васъ, въ провинціи. Тутъ служить всякій, исполняя свой долгъ, какъ законъ велитъ. Я вамъ о себѣ скажу: двѣнадцать лѣтъ служу я въ Петербургѣ и все въ одномъ мѣстѣ; проживаю ежегодно отъ двадцати до тридцати тысячъ; разстроиваю, можетъ-быть, свое имѣніе, и для чего жъ я всѣмъ этимъ жертвую, какъ не для того, чтобъ быть дѣй-

ствительно полезнымъ членомъ обществу, а не сидѣть сложа руки въ глуши какой-нибудь и смотрѣть, какъ будетъ у насъ набиваться служба людьми начтожными, безъ средствъ, безъ образованія, закоренѣлыми взяточниками?.. И такъ судить каждый изъ насъ, такъ долженъ каждый судить. Отечество нуждается въ людяхъ безкорыстныхъ; корысть и жажда приобрѣтенія, не разбирая средствъ, заглушили въ людяхъ даже малѣйшее чувство самолюбія... Скажите: въ комъ оно есть? А мы, люди съ средствами, будемъ хладнокровно смотрѣть, какъ грабятъ наше отечество, потому только, что мы сами сыты и на нашъ вѣкъ достанетъ?.. Согласитесь, что съ такимъ взглядомъ на вещи, съ такимъ именно, можно сказать, самоотверженіемъ, съ какимъ служу я и мнѣ подобные, конечно, никто изъ насъ не посягнетъ на грязное взяточничество. А примѣръ нашъ, какъ и всякій примѣръ, заразителенъ, и, благодаря Бога, у насъ вы теперь не услышите даже слова *благодарность*... (*Скоро*). Скажите: брали вы взятки, когда служили?..

Иваньчиковъ (*шояя табакъ*).

А какъ же, сударь? ништо не брать, когда даютъ? Бралъ-съ...

Лисицкій.

И вы говорите объ этомъ также равнодушно, какъ бы я васъ спросилъ, пили ли вы когда-нибудь водку? Стыдитесь!..

Иваньчиковъ (*что-то задумавъ*).

Мнѣ, сударь, стыдиться ужь поздно... вонъ у меня ужъ и волоски сѣдые показываться начинаютъ... Вотъ вы извольте говорить, спросили бы на счетъ водочки? это, ка-бы я потягивалъ, такъ, можетъ, и покраснѣлъ бы, а насчетъ взятокъ, сударь, ничего!.. вѣдь ихъ развѣ лѣнивый не беретъ? такъ и тому, сударь, принесутъ да въ ротъ положить... Вы, сударь, извольте-ка хорошенько-то подумать: какъ же я буду не брать, когда мнѣ давать надобно-съ? а кому, сударь?.. сыщется, сударь, сыщется! Вотъ хоть бы и ваше дѣло: жизни вашей, то-есть образа, не имѣю чести знать, ну... а имѣньице ваше, село Знаменское, знаю—таки достаточно—въ моемъ уѣздѣ было. Теперь, давеча вы изволили упомянуть: проживаю, молъ, тысячъ двадцать или-бо тридцать, а доходу—то у васъ и всего пятнадцать наберется... такъ отколѣ же у васъ остальные-то, сударь, возьмутся?.. Займете разъ, займете два, а за третій дуну нечистому про-

закладуете, только дай, молю, пожалуйста! а взяточекъ-то все, сударь, будто-бы и не берете... А ужъ вотъ, Богъ дастъ, женитесь, пойдутъ дѣточки, а разумъ-то у васъ вверхъ всплыветъ: «какъ, молю, такъ я? папенька мнѣ одному изъ ничего пятьсотъ душъ сострипалъ, а я пятерымъ ничего не оставлю!» да не дай Богъ дѣвочки — гляди и узнаете, гдѣ у нашего брата деньги лежать... Вотъ хошь бы и теперь: вѣдь я не изъ чего говорю — мнѣ что же? дѣлу моему вы непричастны, а только, будто изъ одного уѣзда, свой своему поневолѣ другъ, да и папеньку-то вашего со своего съизмала зналъ: стою я давеча у подѣзда у вашего, да думаю: какъ, молю, мнѣ къ нему взойдти? я таки, признаться, тутъ съ часу съ девятаго... гляжу: одинъ нимышъ, другой... ну и вижу народъ на деньги купленный! подьте, молю, сюда, въ ресторацію, напротивъ; подавай, малый, намъ того да другаго... ну и пошли и пошли... Бросьте, сударь, ихъ... ни за грошъ продадутъ... развяжитесь!.. Мнѣ мое дѣло теперь, вотъ какъ васъ-то послушать, пропадай оно окаянное, а со мной есть тысячь пятокъ — отдамъ вамъ какъ сосѣду: вѣдь и мой хуторокъ возлѣ вашего Знаменскаго...

Лисицкій (восторону).

Вотъ дуракъ-то! (Ему). То-есть какъ отгадите?..

Иваньчиковъ.

Ссужу, сударь, ссужу и безъ документа явленнаго; мнѣ только записочку для памяти... А вы думали какъ: мы, что у васъ въ Петербургѣ? Вы потрудитесь написать только...

Лисицкій (восторону).

Магна небесная! (Ему). Пишу-съ.

Иваньчиковъ (диктуетъ).

Тысяча-восемьсотъ такого-то года, мѣсяца, дня, я ниже-подписавшійся *взялъ* у такого-то (чинъ, имя и фамилія) серебромъ пять тысячъ рублей (чинъ, имя и фамилія). Тутъ, сударь, нѣтъ и обязательства никакого... ништо я не знаю Знаменскаго вашего? Когда-нибудь, Богъ дастъ, пожалуете (*достаетъ деньги, считаетъ и подаетъ Лисицкому, получаетъ росписку, прячетъ ее въ бумажникъ и кладетъ за спертукъ. Оба въ полномъ восторгѣ.*) Ну, а на счетъ дѣльца-то нашего, такъ я думалъ, тамъ-то еще, въ уѣздѣ-то: что, молю, я поѣду какъ въ лѣсъ? тамъ, молю, ни отъ одной собаки не узнаешь, кто и дѣломъ-то твоимъ занимается... Спасибо ужъ

графъ Валеріанъ Ѳедорычъ надоумилъ. Я-таки, признаться, кой-чѣмъ ему и прислуживалъ... Самъ-то онъ человѣкъ богатый—что ему! а для полка, все-таки, знаете, цѣны справочныя и прочее... Такъ какъ же, сударь, у кого дѣльцето, позвольте узнать?

Лисицкій.

Дѣло, говорите вы?.. Ярикова... Ярикова... мнѣ что-то помнится. Чья дочь?

Иванъчиковъ.

Дочь капитанши Суздальцевой-съ.

Лисицкій.

Ахъ, да! Это чиновникъ Волковъ взялъ на домъ сегодня—вотъ что давеча вы у меня встрѣтили. Я всегда удивляюсь, какъ это они на домъ дѣла таскаютъ: долго ли потерять, или что-нибудь такое...

Иванъчиковъ.

То-то я давеча обмолвился: пропадай, молю, оно окаянное; а вотъ теперь и вы, сударь, изволите говорить, неравно пропадетъ... А что, сударь, Михайло Васильичъ, кабы и въ-самомъ-дѣлѣ пропало? Вѣдь, чай, вы гнѣваться не стали бы?..

Лисицкій.

То-есть, какъ это пропало?..

Иванъчиковъ.

То-есть обронилъ бы г. Волковъ на дорогѣ... или другимъ какимъ путемъ... вѣдь вы бы насъ, чай, оправить изволили, вліяніемъ-то вашимъ давнишнимъ, что слово-то этокое мнѣ закидывали: вѣдь тогда бы и дѣйствій моихъ не осталось...

Лисицкій (*выпучиваетъ на него глаза*).

То-есть какъ... положимъ, вы купите Волкова: люди, подобные ему, рассказываютъ о себѣ много, а на дѣлѣ продаются за грошъ... но вы, кажется, полагаете, что и я приму въ томъ участіе?

Иванъчиковъ.

А какъ же, сударь, безъ васъ теперь и дѣлу быть нельзя. У г. Болкова я-таки побываю, и тамъ, чай дѣло на ладъ пойдетъ; ну, а въ случаѣ, сударь, прорѣжемся, ужъ вы

насъ не выдайте своимъ вліяніемъ—то... Мы, вѣдь, люди маленькіе; а какъ вашего брата зацѣпишь побольше, гляди и самъ выкарабкаешься. Денежки, получить, сударь, изволили и росписочку мнѣ пожаловали. Былъ бы, сударь, фактець, а разумный человекъ повернетъ его всячески...
 Нижайшее, сударь, почтеніе... *(кланяется и скоро уходитъ)*.

Лищицкій (стоявшій какъ въ туманѣ).

Но послушайте!.. возьмите ваши деньги!..

Занавѣсъ падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Небольшая, бѣдная, но чистая комната. Двери: направо отъ зрителя въ комнаты Лизаветы Ивановны Декъ, и возлѣ нея окно въ огородъ; направо въ спальню Волковыхъ. На лѣвой сторонѣ простой столъ; на немъ бумаги и между ними большое дѣло; чернильница и зажженная лампа. Свѣтаетъ.

Волковъ *(въ старомъ легкомъ пальто, у стола, пишетъ и потомъ перестаетъ)*.

Вотъ они, люди!.. Человекъ восемьсотъ душъ имѣлъ: сколько бы могъ онъ приносить пользы, сколько добра бы сдѣлалъ... а онъ жилъ какъ животное и умеръ чуть-чуть не въ тюрьмѣ... Да! *(Опять пишетъ.)* А тяжело, какъ подумаешь, просиживать почи, трудиться и знать, что работа твоя не тобою подпишется; и далеко, далеко пойдеть она, а никто никогда не узнаеть и твоего имени!.. Спросить директоръ, положимъ: «а кто писалъ это? недурно!» и скажетъ ему тотъ, у кого онъ спроситъ: «это я самъ занимался, ваше сіятельство; кому у насъ можно поручить такое дѣло?..» Да *(Глубоко вздыхаетъ и опять пишетъ.)* Погорячился я вчера съ этимъ Михайломъ Васильичемъ. Напрасно: часто дуракъ броситъ камень, а десять умныхъ не вытащутъ. Правда! *(Опять вздыхаетъ.)* Говорить: жѣнитесь какъ-нибудь?.. Посмотрѣлъ бы онъ на мое сокровище, на мою Олиньку! *(Пишетъ.)* Да развѣ я какъ-нибудь женился?.. Была у насъ въ губерніи графиня... богата... вдова... дѣтей не было, а была у ней воспитанница, существо неземное!.. Увидѣлъ я Олиньку и полюбилъ ее, первую въ жизни. Она меня тоже полюбила. Графиня, эта благороднѣйшая, добрѣйшая женщина, съ любовью смот-

рѣла на нашу любовь. Она сама мнѣ сказала: «въ васъ я нашла мужа моей Олинькѣ, какого желала ей; вижу, мѣсто ваше не здѣсь; поѣзжайте въ Петербургъ: я васъ тамъ устрою, друзья мои», и тотчасъ послѣ свадьбы отправила насъ сюда, а сама хотѣла пріѣхать черезъ нѣсколько мѣсяцовъ; но не успѣли мы пробыть здѣсь и трехъ, въ теченіе которыхъ деньги, данныя намъ графиней, съ приказаніемъ не жалѣть на удовольствія, пришли уже къ концу, какъ получили извѣстіе о ея смерти. Она умерла, не успѣвъ ничего сдѣлать для Олиньки, и мы остались съ какими-нибудь пятьюдесятью рублями здѣсь, безъ друзей, безъ знакомыхъ даже, которые могли бы чѣмъ-нибудь пособить намъ... ха! тяжело! *(Закидываетъ голову назадъ и закрываетъ глаза рукой.)* И теперь... что же?.. живемъ на двадцать цѣлковыхъ отъ перваго числа до перваго... самъ-четверть продовольствуемся... чѣмъ не жизнь?.. ничего... славно! Вотъ сдѣлалъ долгъ—заплатить нѣчѣмъ. Сегодня придуть описывать имущество... ничего, Александръ Петровичъ! снесешь, братъ, и это!.. Вотъ мать было-выписалъ, думаю, что ей по чужимъ людямъ шататься... умерла-таки старуха, не вынесла... серебро заложилъ послѣднее, ложки отнесъ на сбереженіе... весело!.. А чтожь? или съ ума сойдти? Ничего!.. свезутъ тебя въ каретѣ; самъ надзиратель побезпокоится!.. И умрешь ты, другъ милый... и снесутъ тебя по принадлежности... Умрешь... *(Какъ-бы проснулся.)* А дѣти, жена? Имъ лучше будетъ: дѣти въ пріютъ... еще какая-нибудь знатная барыня своей ручкой, въ перчаточкѣ, покормитъ, скажетъ: «милыя сиротки!..» Жена въ Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, за бесплатный столъ... Видите! а теперь кому до нихъ дѣло? Теперь у нихъ отецъ, мужъ цѣлѣ еще!.. Вотъ такъ-то, иногда бываетъ, пораздумаешься въ департаментѣ, а тутъ тебѣ гласъ свыше: «что вы, говорить, ничего не дѣлаете? вѣдь вы здѣсь не для размышленія служите!..» Да, правда! *(Пишетъ.)* Вчера Лисицкій говорить: «вы, говорить, курса не кончили?..» Да знаетъ ли онъ, расплаженная кукла, что я пятнадцать лѣтъ къ ряду расплачиваюсь за этотъ невольный шагъ въ сторону?.. Кончина отца застала меня въ располхъ... на рукахъ моихъ остались мать, сестры... я вышелъ изъ третьяго курса и поступилъ на службу... Тутъ-то увидѣлъ я, прослуживъ нѣсколько лѣтъ, всю важность сдѣланнаго мною шага. Когда товарищи мои, молодые люди, поступившіе въ университетъ юзже, пошли шагать мимо меня съ правами, которыя я самъ

у себя отнял; когда безграмотные подъячїе съ косою улыбкой надъ трудомъ моимъ начали разрывать и перемарывать мою работу, нерѣдко оттого только, что въ безсмысленныя ихъ головы не могла вмѣститься человѣческая идея; когда мою бѣдную голову, полную мысли, стали обдавать словами: «не ваше дѣло, не умничайте»; когда, начавъ понимать зло, я сталъ его презирать и не осмѣливался поднять ноги, чтобъ раздавить его; когда, наконецъ, въ послѣдствїи, сознавъ уже въ себѣ и знанїе и силы, я въ то же время увидѣлъ себя обреченнымъ на это вѣчное ничтожество... о! что тогда со мною дѣлалось, вамъ не понять, баловни счастья!.. Теперь ничего... перемололось и это!.. *(Задумывается. Входитъ Ольга Андреевна, подходитъ къ нему и цалуетъ его.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Волковъ и Волкова.

Волковъ.

А! жена?.. Что такъ рано поднялась, птичка моя?..

Волкова *(ставитъ на столъ стаканъ съ чаемъ, который она принесла)*.

Помилуй, какъ рано? Давно ужъ день. Это ты только съ огнемъ сидишь *(гаситъ лампу)*. Слышу, ты пересталъ писать; вотъ я и пришла къ тебѣ. Не хочешь ли чаю?

Волковъ.

Да. А что дѣти?

Волкова.

Машѣ, слава Богу, лучше... а за Васю я боюсь еще... Ну-да Богъ милостивъ! Я тебѣ не помѣшаю, если буду злѣсь работать?

Волковъ.

О, нѣтъ, душа моя! Да я ужъ почти кончилъ. Ужо только надо будетъ еще разъ просмотрѣть и переписать.

Волкова *(садится по другую сторону стола съ работою. Волковъ пишетъ)*.

Саша, что я хочу спросить тебя? Отчего это ты все что-то невеселъ?.. я давно замѣчаю это. Вѣдь ты меня не разлюбилъ?..

Волковъ.

Тебя-то, мое сокровище? Нѣтъ еще. А вотъ видишь ли: ты знаешь, у насъ съ тобой есть долгъ, который вѣдь надо же когда-нибудь заплатить...

Волкова.

Ахъ! это старичку-то тому? Ну что жъ! онъ, кажется, такой добрый, онъ подождетъ.

Волковъ.

Это тебѣ, душа моя, такъ кажется, потому-что ты сама подождала бы; но не всѣ такъ думаютъ. Признаюсь, я и самъ хотѣлъ съ тобой поговорить объ этомъ, предупредить тебя... Этотъ добрый старичокъ представилъ мое письмо ко взысканію.

Волкова.

Ну, что жъ теперь будетъ? Ты такъ, Саша, и скажи, что у тебя денегъ нѣтъ, а что получишь къ новому году награду, тогда и отдашь.

Волковъ.

Я ужъ, другъ мой, и сказала, что денегъ у меня нѣтъ; но награды моей ждать не станутъ, и сегодня же, можетъ-быть, опишутъ все наше имущество.

Волкова.

Какъ это опишутъ, Саша? то-есть перепишутъ все, что у насъ есть, на бумагу? Ну, что жъ имъ въ бумагѣ-то этой?

Волковъ.

Ну, а потомъ продадутъ все, и мы съ тобой останемся безъ ничего... можетъ-быть, придется и спать на соломѣ. *(Глядитъ на нее пристально.)*

Волкова *(немного подумавъ, съ глубокой грустью)*.

Ну, ничего, Саша... Богъ милостивъ!.. *(Весело.)* А знаешь ли, Саша? вѣдь это похоже на какой-то романъ, или на что-нибудь изъ театра Коцебу... «Бѣдность и благородство души», на примѣръ... что-нибудь этакое... Я часто думаю: отчего это прежніе сочинители всегда такъ описывали, что къ концу непременно добрые люди награждаются, а у нынѣшнихъ этого почти никогда не бываетъ? Неужели-же это въ-самомъ-дѣлѣ такъ, что дурнымъ людямъ, порочнымъ, лучше жить на свѣтѣ, нежели хорошимъ? Вѣдь этого, кажется, не можетъ быть, потому-что міръ идетъ къ

совершенству... Сочинители же это вѣдь пишутъ! Вотъ я помню, читала я у покойной графини въ деревенской ея библиотекѣ, старинную драму—кажется, «Юлія»: такъ тамъ одинъ, графъ, кажется, оболъстивъ бѣдную дѣвушку: и она бросилась въ воду, такъ ее и оттуда вытащили, и онъ женился на ней. А вотъ у нынѣшнихъ...

Волковъ (*перебивая ее*).

Коли бросится, такъ и концы въ воду — ужь никто не вытащить. Оттого, душа моя, что прежніе сочинители сочиняли, а эти описываютъ.

Волкова (*задумывается*).

Нѣтъ, а мнѣ все-таки думается, что, рано или поздно, а намъ будетъ хорошо: вѣдь мы съ тобой, Саша, кажется, не дурные люди—а?.. Я часто думаю: вотъ ты говорилъ, что князь, который нынче назначенъ къ вамъ директоромъ, зналъ тебя давно и былъ къ тебѣ добръ... вдругъ онъ тебя узнаетъ и, въ знакъ прежней памяти, сдѣлаетъ тебя вице-директоромъ... ну, или еще чѣмъ-нибудь?.. Или вдругъ у тебя отъщется какой-нибудь дальній-дальній родственникъ и откажетъ тебѣ наслѣдство... или, наконецъ, просто какой-нибудь богатый и добрый человекъ будетъ самъ ходить и отыскивать добрыхъ, но бѣдныхъ людей и помогать имъ...

Волковъ (*съ усмѣшкой*).

Ну, ужь этакого-то не отъщется.

Волкова.

Отчего же? развѣ нѣтъ добрыхъ людей? Представь себѣ: лежимъ мы съ тобой на соломѣ, или теперъ вотъ сидимъ и толкуемъ... вдругъ отворяется дверь (*дверь отворяется*) и входитъ (*входитъ Иваньчиковъ*). Ахъ! (*Волковъ оглядывается*.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Волковъ, Волкова и Иваньчиковъ.

Иваньчиковъ (*къ Волкову, который идетъ къ нему на встрѣчу*).

Нижайшее, сударь, почтеніе! Губернскій секретарь Фрисанфъ Семеновъ Иваньчиковъ. Съ вашей, сударь, сторонки пріѣхалъ. Думаю, нельзя не побывать у землячка. Въ Адресномъ Столѣ справился—отличное учрежденіе, сударь, и чиновники все такіе услужливые...

Волковъ.

Прошу садиться. (*Садятся у того же стола. Волкова остается за работой.*) Скажите: вы изъ нашей губерніи; ну, какъ тамъ у насъ поживаютъ?

Иваньчиковъ.

Ничего, сударь, живутъ-себѣ. (*Помолчавъ и окинувъ комнату взглядомъ.*) Я, сударь, и папеньку—го вашего знавалъ, и дѣденьку съ бабенкой чуть помню... Добрѣйшаго сердца человекъ былъ, сударь, папенька—то вашъ!.. Ужъ это ему, бывало, праздникъ, когда приведется случай изъ бѣды человека вытащить... Одно только, сударь, и было худаго... (*Нюхаетъ табакъ.*)

Волковъ.

Что же такое?

Иваньчиковъ.

Да вотъ что, сударь: вамъ-то ничего не оставилъ. Вѣдь погляжу, сударь, квартирка-то у васъ... не въ богатствѣ, кажется, сударь, жить изволите?..

Волковъ.

Отецъ мой оставилъ по себѣ добрую память, а мнѣ честное имя. Будто бы этого мало?

Иваньчиковъ.

Опо, сударь, такъ-то такъ, да все бы, чай, лучше, когда бы нужденки—то не было. Вотъ, погляжу, у васъ и супруга такая—то славная; дѣточки, чай, есть?

Волковъ.

Есть, двое; такъ что жъ?

Иваньчиковъ.

Ну все бы, сударь, покойнѣе было, хоть и супругъ—то вашей: не самимъ бы самоварчики паставлять—у нихъ ручки—то бѣленькія да нѣжненькія...

Волкова (*всторону*).

Нѣтъ, этотъ не за добрымъ дѣломъ пришелъ..

Иваньчиковъ.

Что жъ, сударь! бываетъ, что и въ маленькомъ чинѣ приведется такое дѣльцо обработать, что и на вѣкъ будете счастливы... никто какъ Господь...

Волковъ.

Ну, мнѣ—то ужъ, вѣрно, не придется.

Иваньчиковъ.

Не извольте, сударь, отчаяваться. Отчаянье, сударь, тяжкій грѣхъ! Столоначальникомъ служить изволите?

Волковъ.

Нѣтъ, канцелярскимъ чиновникомъ.

Иваньчиковъ.

Что же это, сударь, такъ маловато? а вѣдь дѣльцо-то, чай, дѣлать умѣете... Вотъ, погляжу, и теперь чѣмъ-то немахонькимъ заниматься изволите...

Волковъ.

Да, это дѣло серьезное: объ убійствѣ дочери одной капитанши...

Иваньчиковъ.

А! Что жъ, сударь, дезертиръ какой, что ли, убилъ, или такъ, какая пропащая голова?

Волковъ.

Нѣтъ, стыдно сказать: помѣщикъ (*вспомнивъ*). Да! да вѣдь вы знаете, я думаю, слышали въ нашей губерніи... Яриковъ. Еще тутъ есть... позвольте... (*смотритъ въ бумаги*) да, да, точно, вашъ однофамилецъ — Иваньчиковъ; исправникомъ былъ. Вотъ ужъ этакую каналью и утопить не грѣхъ.

Иваньчиковъ (*быстро падаетъ на колѣни и складываетъ руки*).

Не погубите! Братъ, братъ, сударь, братъ родной!..

Волковъ (*вскакиваетъ, Волкова тоже*).

Помилуйте! что вы дѣлаете? дворянинъ! какъ вамъ не стыдно?..

Иваньчиковъ (*на колѣняхъ, силится заплакать*).

Батюшка! батюшка! отецъ родной! вѣдь за брата прошу... Какой стыдъ тутъ! Матушка, барыня! попросите!..

Волковъ (*поднимая его*).

Успокойтесь, сядьте, пожалуйста! (*Волкова тоже подходитъ къ нему съ участіемъ*.) Поговоримъ хладнокровнѣе. Оленька! принеси воды. (*Волкова подаетъ Иваньчикову воду*.)

Иваньчиковъ (*пьетъ, хватаетъ у ней руки и целуетъ*).

Чмокъ... чмокъ... Благодарители мой!.. чмокъ... чмокъ... (*садится*.) Только бы не на казанскій трактъ!

Волковъ.

Ахъ, Боже мой, какъ вы меня напугали!.. Ну, посудите сами, что я могу сдѣлать—я, какой-нибудь канцелярскій чиновникъ?..

Иваньчиковъ.

Ахъ, батюшка, батюшка! да вѣдь братъ родной; вѣдь жалко, сударь, сердце надрывается. (*Успокоившись.*) А что, сударь, можно васъ попросить (*опластъ жезлъ къ двери*) на крылечко, поговорить выйдти...

Волковъ.

Какъ на крылечко? зачѣмъ?

Иваньчиковъ.

Да маленько бы, сударь, поговорить... при супругѣ-то вашей все будто неловко... (*Волкова встаетъ.*)

Волковъ.

Останься! У меня отъ нея секретовъ нѣтъ. Говорите здѣсь.

Иваньчиковъ (*всторону*).

Ну, да вѣдь и то сказать, жена не свидѣтель. (*Ему.*) Александръ Петровичъ, вѣдь десять тысячъ серебромъ деньги?..

Волковъ.

Ну, такъ что жъ? Знаю, что деньги, на полу не поднимешь... Но какой вы, право, странный человѣкъ! Положимъ, я и взялъ бы отъ васъ десять тысячъ серебромъ... взялъ ли бы я ихъ или нѣтъ—это другой вопросъ; положимъ, что взялъ, ну, что жъ я для васъ могу сдѣлать?.. Записку мою будетъ еще свѣрять съ дѣломъ столоначальникъ; пойдетъ она къ начальнику отдѣленія, къ директору, къ министру—вотъ сколько степеней должна перейти она: что жъ я тутъ такое, спрашиваю я васъ самихъ? Хотите вы, чтобъ я скрылъ какое-нибудь обстоятельство въ запискѣ? это откроется на первомъ же шагу; меня назовутъ мерзавцемъ и выгонять изъ службы. Хотите, чтобъ я вывелъ неправильное заключеніе? меня назовутъ дуракомъ и опять-таки выгонять изъ службы. Зачѣмъ же я буду добиваться того или другаго, когда я вовсе не мерзавецъ и самъ знаю, что не дуракъ?..

Иваньчиковъ.

Да что, сударь, служба! Видимое дѣло, что служба вамъ

не везеть... Легко сказать: годковъ съ пятнадцать, чай, служить изволите, дослужились до канцелярскаго чиновника... а вотъ какъ десять-то тысячъ билетиками новенькими получить бы изволили, тогда бы и въ отставку маршъ... принялись бы, сударь, торговать, вотъ хошь бы и папиросочками... гляди—и домикъ бы свой выстроили. Чай, сказать изволите: не дворянское дѣло? Ничего, сударь: съ денежками и Оому дворяниномъ назовуть...

Волковъ.

Э, Боже мой! Да что вамъ отъ меня нужно?

Иваньчиковъ.

Да вотъ изволите, сударь, видѣть: дѣльцо-то читать изволили, такъ оно теперь у васъ какъ на ладонкѣ: вѣдь Марию-то Гавриловну, капитаншину-то дочку, намъ съ вами не воротить стать; помѣщикъ Яриковъ въ Елисейскихъ Поляхъ; прочіе тоже перемерли: кому же теперь за всѣхъ за нихъ отвѣчать? Это мнѣ-то... то-есть братцу-то любезному? Такъ помилуйте же вы меня, за что? что дворянинъ своего брата дворянина изъ бѣды хотѣлъ выручить? Гдѣ же справедливость-то тутъ? къ чувствамъ-то уваженіе гдѣ?.. (*Помолчавъ.*) Вѣдь вы, сударь, дѣльцо-то получить изволили, чай безъ росписочки; на что, молъ, она? мы служимъ здѣсь люди все благородные; вотъ ка-бы, сударь, изволили пойти въ должность-то, да спросили бы васъ: а что же, молъ, дѣло?.. какъ, молъ, дѣло? какое?

Волковъ.

Да!.. Такъ вы хотите, чтобъ я укралъ дѣло, которое мнѣ челоуѣкъ, по простотѣ души, ввѣрилъ? Теперь понимаю: вы хотите, чтобъ я жилъ счастливо, тогда-какъ другой за меня будетъ страдать? Благодарю покорно! (*Кланяется низко.*) Жена! вотъ онѣ, мечты-то твои, и сбываются... Видишь какой благодѣтель пожаловалъ!.. Нѣтъ, вотъ что скажу я вамъ, господинъ Иванъчиковъ: еслибъ я занималъ такое мѣсто, на которомъ могъ бы для васъ что-нибудь сдѣлать, я денегъ вашихъ не взялъ бы и васъ бы не помиловалъ... Не скрывайтесь, вы не за брата хлопчете... Но и не осердился бы на васъ, не оскорбился бы предложеніемъ вашимъ—за что? мы всѣ такъ перемераны, что самимъ показаться въ люди совѣстно... (*Забывается.*) Посмотрите, сколько ихъ тутъ, а вѣдь ни одинъ въ своей шкурѣ не явится... оставляютъ небойсь тамъ... въ учрежденіяхъ!.. Что это, говорятъ, чуть на улицу вышелъ, ужъ и видятъ, кто я та-

кой! Давай, наравнѣ со всѣми, въ черную краску краситься... Да поставьте вы сами-то себя такъ, чтобъ люди за честь себѣ ставили надѣть ваше платье... щеголяйте имъ, какъ отличкою!.. (къ *Иваньчикову*.) Но, господинъ *Иваньчиковъ*, вы сказали давеча, что знавали отца моего, и пришли къ его сыну, какъ къ мошеннику... (*Схватываетъ стулъ*.) Вонъ отсюда, гадина! или я (*задыхаясь*) раздавлю тебя!

Иваньчиковъ (*кидается уже серьезно на колѣни*. *Волкова бросается къ мужу*. *Входитъ Простота*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Волковъ, Иваньчиковъ и Простота.

Простота (*бросается къ Волкову*).

Сашечка! что ты это дѣлаешь? (*Хватаетъ его за руки*. *Иваньчиковъ бѣжитъ со всѣхъ ногъ*.) Ахъ, Сашечка! не стыдно ли это вамъ?.. *Ольга Андревна*, что это у васъ?.. (*Волкова хочетъ говорить*.)

Волковъ (*ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, по-временамъ останавливаясь*).

Ты видѣлъ этого мерзавца? Представь себѣ, что вздумалъ онъ мнѣ предложить (*говоритъ съ разстановкой*): чтобъ я... я уничтожилъ дѣло его, которое дали мнѣ на домъ...

Простота (*маленькій, тоненькій человекъ; лицо киртичнаго цвѣта; большіе, черные бакенбарды; въ вице-мундирѣ*. *Имѣетъ привычку вертѣться на носкахъ, и когда говоритъ, часто ударяетъ руку объ руку*. *Вообще человекъ живой и веселый, но малый съ душой*).

Эхъ, Сашечка, Сашечка! такъ вы изъ этакихъ изъ пустяковъ да хотѣли шумъ заводить на кварталъ весь?.. *Ольга Андревна*! пожалуйте ему водички... Да мало ли что бываетъ? Вонъ у меня рѣдкій день, чтобъ не было: тотъ просить, нельзя ли поскорѣй пакетъ отправить, другой говорить: поддержите подольше, а иной, и совсѣмъ нельзя ли, говорить, въ печку бросить... ну и тоже деньги суютъ—такъ мнѣ на всѣхъ и

сердиться? Да это сердца не стало бы, Сашечка... Наше дѣло такое...

Волковъ *(пьетъ воду, которую по-
даетъ ему Ольга Андреевна)*.

Ахъ, братецъ, Павелъ Висаріонычъ, вѣдь какой ты чудакъ, право!.. Ну, конечно, не согласился бы я никогда на предложеніе этого господина, но и горячиться бы не сталъ, когда бы у меня тутъ-то, глубоко-то, не накипѣло ужъ слишкомъ... Однако, пора собираться. Пойду къ одному благодѣтелю, который обѣщаль пособить мнѣ... *(всторону)* Пора къ Лисицкому. *(Простотъ)* А тебя, братъ, Павелъ Висаріонычъ, попрошу: забѣги на минуточку къ надзирателю нашему—нельзя ли ему дотянуть часовъ до двухъ *(идетъ въ комнату направо)*.

Простота *(вообще говоритъ скорого-
воркой, что называется
рубить, и съ жестами)*.

Ладно. Ну вотъ вѣдь, Ольга Андреевна, ну кто виновать, какъ не самъ? Вѣдь ужъ вы знаете, я, вѣдь, ужъ какъ ему благодаренъ! Помню, помню, да и вѣкъ не забуду. Не знаю, рассказываль ли онъ вамъ когда. Это ужъ года полтора будетъ: былъ я на зимняго Николу у именинника, у столоначальника нашего: случись тамъ и онъ, муженскъ-то вашъ... ну, хорошо: онъ меня не знаетъ — я его не знаю, ну и ничего — кому до кого какое дѣло? Только, вотъ Богъ свидѣтель, я вина не пью никакого; это вотъ повеселить компанію, потанцовать или, на святкахъ бываетъ, нарядиться—это ужъ мое дѣло; а насчетъ вина—ни-ни! ну, а тутъ, съ холодку-то, что ли, или ужъ такъ грѣхъ попуталь, взялъ да и вышилъ стаканчикъ пуншику съ лимончикомъ, знаете... ну и ничего спачала-то, будто и правый, похаживаю, трубочку это покуриваю... Оно, то-есть, не то чтобы совсѣмъ перемѣны никакой не было, а еще веселѣе какъ-то сдѣлалось: точно ужъ будто вотъ мнѣ завтра и бумагъ не записывать, будто меня ужъ и предсѣдателемъ сдѣлали, четыре тысячи жалованья получаю, и ростомъ-то сталъ будто бы выше... ну оно бы и ничего этакъ-то, да тутъ канцелярскихъ нашихъ было тоже человекъ съ четыре... «ну-ка, ну-ка, говорятъ, Павелъ Висаріонычъ, еще стаканчикъ съ нами; покажи, говорятъ, какъ встарину флотскіе пили»—а я вѣдь, позвольте знать, воспитывался въ Морскомъ Корпусѣ да по болѣзненному тѣлосложенію выпущенъ къ

статскимъ дѣламъ—я, знаете, какъ дурь-то попала ужъ въ голову, ничего, молъ, все можно, да хватъ и другой... анекдотцы зачалъ рассказывать, да должно-быть ужъ больно-веселые, только и слышно всѣ ха-ха-ха, такъ и валяются съ хохота... Закуску подавать начали... «ну-ка, говорятъ это благодѣтели-то мои, Павелъ Висаріонычъ, водочки»; и водочки, молъ, можно, и хереску пропустилъ... а оно у меня и пошло, и пошло кверху... въ головѣ-то вотъ этакъ... (Показываетъ, какъ у него въ голову было.) Смотрю: черезъ минуточку ужъ нѣтъ... нѣтъ ужъ... Павелъ Висаріонычъ нашъ и самъ себѣ не начальникъ: ни руки, ни ноги не слушаются, грѣшное тѣло подпоры себѣ требуетъ, все бы ему къ стѣнкѣ, къ стѣнкѣ бы все... А случился тутъ, сударыня Ольга Андревна, нашъ же чиновникъ — ну ужъ Богъ съ нимъ, не назову вамъ его: онъ это таки давно подъ меня подтыскивался, все ему на мое мѣсто хочется— подошелъ онъ ко мнѣ, да и шепчетъ на ухо: «Павелъ Висаріонычъ, нехорошо, говоритъ, это: здѣсь чужіе, говоритъ, люди есть; ступайте-ка, говоритъ, съ Богомъ домой». Это-то я-таки-понялъ, ну и не сталъ противиться. Вывелъ онъ меня, сударыня, Ольга Андревна, въ калиточку, вынесъ шляпу, шинель это надѣлъ, да и пустилъ на всѣ четыре стороны. Гдѣ бы ему посадить на извозчика: отвези, молъ, туда-то, а онъ вонъ что!.. Ну да и зналъ же, разбойникъ, что дѣлалъ... Постоялъ, это, я, знаете, морозцемъ-то меня обхватило, да и маршъ... куда бы вы думали? Дѣло-то было въ Измайловскомъ полку въ двѣнадцатой ротѣ, мнѣ-то бы идти на Вознесенскій, а я заворотилъ на Загородный, да по Литейной... дошелъ до мосту, что сюда, на Петербургскую. Ну, молъ, пришелъ домой, взялъ шинель, комочкомъ свернулъ, положилъ подъ голову, прилегъ, да и успокоился...

Волкова (которая все это время шила и изрядка поднимала голову, смѣется).

Какъ, неужели вамъ было нехолодно, и вы могли заснуть?..

Простота.

А изнутри-то, Ольга Андревна, подогрѣвало; оно какъ-будто и нехолодно... Да это что! хоть и замерзъ бы, бѣда небольшая: впередъ наука, не пьянствуй. Нѣтъ, а вы извольте-ка подумать, что бъ выпло, какъ въ контору-то бы взяли, къ

надзирателю-то, да начальство узнало бы! Вѣдь ему что? оно разбирать не станеть: какъ, что случилось, и что на именинахъ былъ, и все этакое... Ты, молю, что хочешь дѣлай, да не попадай на замѣчаніе... Вонъ, вѣдь, иной лѣтъ пятнадцать каждый день лѣпить по пакости, да еще гдѣ сидить-то!.. а ни въ чемъ худомъ не замѣченъ... А тутъ за двадцати-то лѣтнюю безпорочную службу, да одинъ разъ охмѣлѣлъ, гляди и стулъ бы изъ-подъ меня выхватили— вотъ вѣдь она чѣмъ, игрушка-то эта, разыгралась бы, Ольга Андревна, сударыня!.. Я вѣдь это къ чему вамъ рассказываю? все къ тому же, что какой, молю, благороднѣйшій человѣкъ муженскъ-то вашъ... Шелъ онъ, сударыня, съ именинъ-то, поглядѣлъ на меня: «вижу, говорить, рожа что-то знакомая, никакъ, молю, давишній гость»—это послѣ то онъ мнѣ рассказывалъ; такъ вѣдь не прошелъ же онъ, сударыня, мимо, не мое дескать дѣло, не сказалъ же часовому: уберите, молю, вонъ тамъ чиновникъ валяется— нѣтъ, а кликнулъ, сударыня, *ваньку*, уложилъ меня со всѣмъ и съ богатствомъ моимъ на саночки да и привезъ вотъ сюда; вы тогда почивали ужъ; *(указываетъ въ уголъ)* вонъ тутъ въ уголку я и ночь препровелъ...

Волкова.

Онъ мнѣ никогда этого не сказывалъ...

Простота.

Ну, да, знаю, когда скажетъ, когда скажетъ! это чтобъ мнѣ передъ вами-то не было стыдно... У! благороднѣйшій человѣкъ!.. Такъ вѣдь онъ что сдѣлалъ? Больше чѣмъ изъ воды бы вытащилъ: утонулъ-то бы я, такъ и Богъ со мной, а тутъ, сударыня, что бѣ безъ мѣста-то сталъ дѣлать?.. Походи-ко да поищи его, даромъ-что не преступленіе какое уголовное сдѣлалъ!.. Такъ ужъ я какъ его люблю—Богъ одинъ видитъ. Вотъ и сюда переѣхалъ, чтобъ поближе къ вамъ, и всякое утро, пойду къ должности, ужъ все забѣгу провѣдать: что, молю, благодѣтель-то мой Сашечка? что Ольга Андревна? какъ все у нихъ?.. Думаю: Господи! ка-бы силы-то моей, силы-то, услужить бы имъ чѣмъ-нибудь...

Волкова.

Да, вы добрый человѣкъ, Павелъ Висаріонычъ, благодарю, благодарю васъ. Но въ чемъ же вы Сашу-то обвиняете, говорите, самъ виноватъ?..

Простота.

Гордъ, гордъ, ужасно-какъ гордъ! Теперь хоть бы и князя взять? Знаетъ человѣка лѣтъ десять, еще въ губерніи зналъ; ну, положимъ, не ходилъ къ нему прежде—ну, а теперь-то что, когда онъ начальникомъ-то его сдѣлался? «Какъ, говорить, зналъ онъ меня въ порядочномъ положеніи и вдругъ теперь прійду я къ нему... что такое? канцелярскій чиновникъ... далеко ушелъ!» А вѣдь самъ же рассказываетъ про князя: «благороднѣйшій, говорить, добрѣйшій человѣкъ!» Я бы что? сейчасъ это: прихожу (*отходитъ нѣсколько шаговъ назадъ*). Что вамъ угодно? (*Подходитъ съ развальцомъ.*) Такъ-и-такъ, молъ, ваше сіятельство... положеніе мое этакое... давно изволите знать...

Волковъ (*входитъ, глядитъ на него и бьетъ по плечу.*)

Полно, полно тебѣ фантазировать; собирайся-ка, да пойдемъ.

Простота.

Пойдемте, Сашечка, пойдемте. Да ужъ что правда, братъ, то правда, нѣчего тутъ. (*Волковой.*) Прощайте, Ольга Андревна. (*Разшаркивается такъ, какъ шаркаютъ дѣти, когда имъ скажутъ: шарки, душечка, пошкой!*) А, это что вы, Сашечка, говорите, насчетъ положенія-то вашего, такъ еще вы что! ваше положеніе, слава Богу: а какъ вонъ у насъ Мягкій...

Волкова.

Что это за Мягкій?...

Простота.

А вотъ я вамъ расскажу, Ольга Андревна... просто, жалости подобно! Постоите минуточку, Сашечка!.. (*Волковъ, который уже снялъ со стѣны пальто, подходитъ къ нему*). Есть у насъ титулярный совѣтникъ Мягкій; былъ онъ, сударь и сударыня мои, почтмейстерскимъ помощникомъ, гдѣ-то въ Черниговской губерніи, ну и былъ лѣтъ-таки съ двадцать, двѣ пряжки смѣнилъ, женатый человѣкъ, четверо дѣтей ужъ было, а имѣнія ни за собой, ни за женой. Ты, Господи, вѣдаешь, отколѣ человѣкъ взялся... ну а жилъ, лѣпился коѣ-какъ на свѣтѣ... Вотъ, сударь мой и сударыня, случись у него жена именинница, 11-го іюля, Ольгой же звали, вотъ что и ваше же дѣло, Ольга Андревна... случись она именинница... ну пирогъ, гости; почтмейстеръ это, городничій, исправникъ, окружный, стряпчій

—вся аристократія; квартира казенная—что ему!.. Только закусочку легонькую такъ подали, выжили по одной, вдругъ слышутъ: динь—динь—динь... Ффррръ колясица этакая! а въ ней одинъ человекъ мотается... должно, не изъ маленькихъ!.. Всѣ, знаете, къ окнамъ: что, молъ, такое? Лакеища этакой, что усы по аршину на сторону, соскочилъ это съ заду, съ привѣсочка-то, понесъ въ контору, знаете, подорожную прописывать... Ну, а почтмейстеръ съ помощникомъ думаютъ: «птица немалая ѣдетъ, должно... не прогнѣвали бы чѣмъ писаришки-то, знаете... дай, молъ, сами выйдемъ на часъ... Ну вышли это... глядятъ: генераль, да изъ статскихъ... Ничего, молъ, такой-то еще хуже: военный накричить, на шумитъ, зазвенѣлъ колоколъ—онъ и сердце забылъ, а нашъ-то братъ тебѣ и на томъ свѣтѣ попомнить. Ну выжили—ничего; видятъ, ласково... а его, Мягкого-то, лукавый за фалду и дерни... думаетъ, ласковъ, такъ и можно... а онъ что ласковъ? поспалось хорошо. «Позвольте, говорить, ваше высокопревосходительство попросить честь сдѣлать, навѣкъ осчастливить; жена, говорить, именинница и день такой, пирожка откушать!» Ну, тамъ какія ресторации! человекъ дня три ѣдетъ, котлетъ въ глазъ не поглядитъ, а пирожкомъ-то ужъ нахло... Генераль думаетъ: «что не зайдти? и чину человекъ прибавилъ, а оно все-таки пощекотило на сердцѣ, и пирогъ... «хорошо, говорить, хорошо»; вошелъ. Ну, разумѣется, сѣлъ на диванъ, одинъ за троихъ мѣсто занялъ: тутъ рука, тамъ другая... оперся, знаете, такъ-то, а самъ въ срединѣ сидитъ отдувается; день-то былъ жаркій, ну, июль мѣсяцъ, одно слово: собаки бѣсятся. Барыни это всѣ на животикъ ручки, да и нишнули; чиновники—тѣмъ гдѣ разговаривать: генерала-то, окромъ губернатора своего, развѣ въ високось увидятъ... ну, и пошелъ и пошелъ, пирожка это отвѣдалъ, да еще шутъ дернулъ Мягкого-то у градскаго головы—виномъ торговаль—бутылочку *настоящаго* взять, предъ нимъ и поставилъ, и пошелъ, сударь и сударыня мои. «У насъ, говорить, въ Петербургѣ и то и другое»; я говорить, и Государя каждый день имѣю счастье видѣть», тѣ и рты поразѣвали... «У васъ, говорить, какой чинъ?» Это хозяину-то. «Титулярный, говорить, совѣтникъ...» ну а самъ весь такъ и ушелъ въ печку. «Что, говорить, такъ мало?» обогрѣло, знаете, ему на сердцѣ-то... «Да, говорить, мѣсто не позволяетъ, а то ужъ давно на надворнаго выслужилъ».—«Нѣтъ, вы вотъ что, говорить: возьмите вы отпускъ, пріѣзжайте въ Петер-

бургъ, спросите, говорить, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дырина»—вѣдь вотъ оно, вино-то, что дѣлаеть— «у меня, говорить, и остановитесь, и я васъ устрою». Сѣлъ въ колясицу свою, да и былъ таковъ... за заставу, и хлѣбъ-соль забылъ. Нѣтъ небойсь, ка-бы лошадей долго впрягали или что-нибудь этакое, такъ и здѣсь вспомнилъ бы! Ну, сударь мой и сударыня, уѣхалъ, а корни-то своя глубоко пустиль; первое дѣло—именины сгадилъ: при немъ всѣ ходили по струночкѣ; ну, а какъ гости поправились, самъ-то, чудакъ-то нашъ, Мягкій-то, словно аршина на два росту у него прибыло! Другое дѣло... вотъ другое-то хуже: вечеръ пришелъ, гости разѣхались, а онъ, Мягкій-то, съ вопросомъ къ женѣ: «А какъ, говорить, душечка, думаешь; ѣхать или не ѣхать?»—«Извѣстно, говорить, ѣхать: пашу хлѣбъ-соль не забудеть!» Онъ съ дуру-то и махъ въ отпускъ, занялъ сто цѣлковыхъ, пріѣхалъ сюда; въ Адресный Столъ: гдѣ, говорить, живетъ тутъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дыринъ? Ну, тутъ это живо: Д-р, д-р, д-р... Дыринъ... былъ точно дѣйствительный статскій совѣтникъ, да въ синенькихъ показанъ, позвольте! Др-др... за границу выбылъ! Да, вотъ поди же теперь, поищи по Петербургу-то!.. Ну и походилъ, искалъ, кончился срокъ это, думаетъ: «Что, молъ, я какъ? съ какими глазами къ женѣ покажусь? Дай, молъ, хвачу на четыре мѣсяца...» И четыре прошли, ништо тутъ долго? мѣста все нѣтъ. Подавай, молъ, въ чистѣйшую... ужъ и стыдно домой, знаете, ѣхать... Освободился и въ чистую? ну, молъ, теперь вольный казакъ... Часишки это, знаете, были, въ закладъ положилъ, и изъ одежонки что было покрѣпче-то, все спустиль; гляди къ зимѣ-то и готовъ человекъ: яко благъ, яко нагъ, яко мать родила... А тамъ, помните, жена-то съ дѣтеньками, ѣсть нечего!.. Походилъ, походилъ, ну и поступилъ къ намъ въ канцелярскіе на восемь рублей: четыре женѣ пошлетъ, а на остальные пируй тутъ, какъ хочешь! Такъ вотъ какъ, Ольга Андревна, прошлое лѣто и питался только тѣмъ, что купить краешечку хлѣбца, да пойдетъ на Волково, шавелю нарветъ—тутъ и всѣ удовольствія. Да, вотъ-такъ положеніе! а у васъ еще что? еще слава Богу!

Волковъ.

Ну, братъ, тебя не переслушаешь: идемъ же.

Простота.

Идемте, Сашечка, идемте. Прощайте, Ольга Андревна!

(Разшаркивается и уходитъ съ Волковыиъ.)

Волкова.

До свиданія, Павелъ Висаріоничъ...

явление пятое.

Волкова (одна).

Ушли. (Задумывается.) Боже мой! Боже мой! что если ему опять не удастся? Что съ нами будетъ?.. Вотъ какова, какъ подумаешь, участь-то честныхъ людей!.. Сынъ благороднаго отца, который, прослуживъ тридцать лѣтъ, не оставилъ чѣмъ похоронить себя, служилъ самъ въ губерніи на такихъ мѣстахъ, гдѣ другіе наживали себѣ состояніе; казалось бы, бѣдность его должна быть живымъ свидѣтельствомъ его честности—а никто не подастъ ему руку помощи, никто не возьметъ на себя труда вытащить его изъ этой нищеты, въ которой и умретъ онъ, никѣмъ незамѣченный... Подадутъ попрошайкѣ, пожалѣютъ преступника; а бѣдный чиновникъ?.. скажутъ: «самъ виноватъ; онъ служить и, стало, безпечень, или не умѣетъ вести своихъ дѣлъ, какъ другіе ведутъ...» Да Боже мой! вырвите вы у него благородное сердце, отнимите у него его честную гордость!.. Что я говорю о немъ? Я—слабая женщина, но я не была бы минутой покойна, еслибъ знала, что мужъ мой нечестнымъ путемъ пріобрѣтаетъ тѣ средства, которыми мы существуемъ... А что же и составляетъ мое единственное счастье, какъ не мысль, что я жена бѣднаго, но честнаго человѣка. Я страдаю, одинъ Богъ видитъ какъ, но горжусь моей нищетой!.. (Помолчавъ.) Сегодня намъ нѣчего ѣсть—поймите вы это!.. (Оттираетъ слезы.) Последнее, что оставалось отъ жалованья, мы отдали доктору, купили лекарства для нашихъ дѣтей: вещи, которыя дала мнѣ графиня, мы продали, пока мужъ искалъ себѣ службы; да и кстати ли было бы мести самой комнаты, готовить обѣдъ — и въ шелковыхъ платьяхъ, въ собольемъ салопѣ на рынокъ ходить?.. Теперь ничего не осталось; сегодня отнимутъ последнее... но я просить не могу!.. Какъ?.. я? дочь заслуженнаго полковника, воспитанница графини Рославской, которая звала меня своей дочерью, я протяну руку... никогда, никогда!..

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Волкова и Лизавета Ивановна (*выглядываетъ изъ своей двери*).

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Оличка! ты здѣсь одна, душка моя?..

ВОЛКОВА.

Одна. (*Всторону.*) Какъ надоѣдаетъ мнѣ эта Лизавета Ивановна!

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*входитъ*).

Я, душка, хотѣла тебѣ сказать кое-что. Вчера я ея видѣла...

ВОЛКОВА.

Ахъ, Боже мой, Лизавета Ивановна! вы все съ своими вздорами...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Слышите, слышите, что говорить!.. Душка моя! вѣдь я тебѣ же желаю добра. Ты посмотри, посмотри только, какъ онъ тебя любитъ!.. ахъ, ахъ, ааахъ! какъ онъ тебя любитъ!.. Вчера говорить: жить безъ нея не могу, хоть бы, говорить, минуточку подышать съ нею однимъ воздухомъ!.. Ахъ, слышите, слышите, что говорить-то...

ВОЛКОВА.

Послушайте, Лизавета Ивановна, всему есть границы. Три мѣсяца позволяла я вамъ шутить съ собой, хотя шутка ваша никогда мнѣ не нравились—говорю вамъ откровенно: но какъ положеніе наше таково, что мы все должны переносить, мы вамъ такъ обязаны... то я молчала: думала, вы сами поймете всю неумѣстность вашихъ предложеній. Сегодня я менѣе, нежели когда-нибудь, расположена шутить: обстоятельства наши...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*перебивая ея*).

Слышите, слышите! развѣ я сама не вижу вашихъ обстоятельствъ? Я все вижу, все вижу, душка моя; оттого-то я такъ и жалѣю тебя. Думаю: какъ это она, дитя мое, можетъ переносить все? Мужъ варваръ, тиранъ... (*Волкова хочетъ говорить.*) Молчите, молчите, молчите!.. тиранъ, тиранъ, варваръ!.. и не говорите мнѣ лучше! Вы такая воспитанная... такая душка!.. и вдругъ шляпки не купить... Слышите, слышите, не купить вдругъ шляпки? Бурнусъ одинъ два года должна носить!.. А кто виноватъ? Вольно

ему торчать въ своемъ министерствѣ-то; много тутъ высидѣть!.. Вы, душка моя, что думаете? развѣ я не была замужемъ? Была, знаю, и воспитаніе тоже получила не хуже всякой другой; еще не всякая попадетъ туда, гдѣ я-то воспитывалась. Я вамъ скажу, душка моя, поступила я въ гувернантки къ одному очень-знатному барину... ну, знаете, знаете, молода была, неопытна (*вздыхаетъ*). Ахъ! какъ онъ любилъ меня! Ну, потомъ выдалъ за титулярнаго совѣтника... Ужъ что за человекъ былъ, я вамъ скажу, душка моя—дикій, дикій, просто дикій!.. Ну, вдругъ, ну, пофранцузски ни одного слова не понималъ... слышите, слышите, не понималъ пофранцузски!.. ну, варваръ, варваръ! «Я, говоритъ, тебѣ далъ имя, будетъ и этого; а наряжаться, говоритъ, хочешь, такъ у того и спрашивай, кто...» представь себѣ, душка, каковъ?.. Ну, и наряжалась, и ему еще изъ своихъ доходовъ ромъ покупала, да водку... «Ахъ, говоритъ бывало: погубилъ, говоритъ, я свою молодость!» И къ графинчику прямо въ шкапъ... Слышите, слышите! Я же и виновата стала?.. Ничто просла я его: «женитесь на мнѣ, молъ, пожалуйста!» Сами знали, что дѣлали...

Волкова (*перебиваетъ*).

Ахъ, Лизавета Ивановна! что мнѣ за надобность знать ваше прошедшее? Богъ съ нимъ! Вы говорите: жалѣете. Нѣтъ, еслибъ вы точно жалѣли меня, не стали бы вы говорить всего этого, не стали бы оскорблять честь женщины, которая не подала вамъ ни малѣйшаго къ тому повода... Я не получила того воспитанія, которое получили вы; но я выросла подъ глазами графини, моей благодѣтельницы, женщины высокаго ума и истинно-благороднаго, великодушнаго сердца (*отираетъ слезы платкомъ*). Она выбрала мнѣ мужа; я поклялась ему предъ престоломъ Всевышняго быть его другомъ, помощницей на пути жизни, каковъ бы путь этотъ ни былъ. Не его вина, что судьбѣ угодно насъ испытывать, а вы хотите, вы совѣтуете мнѣ, чтобъ я измѣнила этой клятвѣ... обманула Бога!.. И изъ-за чего же? изъ-за какихъ-нибудь тряпокъ, въ которыхъ прощеголявъ, можетъ-быть, день одинъ, прійдется дать отчетъ на томъ страшномъ судѣ, гдѣ всѣ мы предстанемъ въ одинакой одеждѣ... Нѣтъ, Лизавета Ивановна, не состраданіе говорить въ васъ! Мнѣ кажется, долгъ замужней женщины, священнѣй для каждой изъ насъ, еще важнѣе для тѣхъ, которымъ судила судьба быть женами бѣдныхъ чиновни-

ковъ!.. Посмотрите вы: съ четырехъ часовъ утра ужъ онъ за работою, трудится затѣмъ, чтобъ добыть кусокъ хлѣба женѣ, дѣтямъ, возвращается домой усталый, нерѣдко послѣ какой-нибудь неспрiятности, и если его встрѣчаетъ жена, женщина добрая, съ чистою совѣстью, съ лаской и радостью, жена, которая умѣетъ заставить позабыть и горе и нужды, тогда и для него есть минуты счастливыя: ему семейство отрада—не бремя, не тягость, и онъ съ терпѣнiемъ, съ надеждой несетъ крестъ свой!.. Но когда та же жена, вмѣсто веселой улыбки, встрѣчаетъ его гримасой, упрекаетъ въ томъ, что воротился съ пустыми руками, вздыхаетъ да охаетъ о шляпкахъ, бурнусахъ, плачетъ, пожалуй—тогда... о! тогда не бывать ему честнымъ слугою Государю, не вѣдать, какъ ушей своихъ, ни правды, ни совѣсти...

Лизавета Ивановна (*которая, во время послѣдняго монолога сидѣла, постукивая кончикомъ носка*).

Ну, хорошо, хорошо! Посмотрю, что-то запоешь ты сегодня, какъ онъ-то прiѣдетъ? Вѣдь онъ самъ хотѣлъ нынче быть у тебя...

Волкова.

Какъ, дошло ужъ до этого? И вы смѣли допустить, смѣли сказать мнѣ это?..

Лизавета Ивановна (*остервенляется*).

Да что мнѣ не смѣть-то? Видишь, какая знатная барыня! Такая же титулярная совѣтница... Воспитанница благороднѣйшей женщины... А я кто по-твоему? не благородная, что-ли? Да коли ты такъ благородна, такъ и веди себя такъ... а то три мѣсяца за квартиру не платишь!.. шутка сказать!.. Обнимись съ мужемъ-то своимъ, да и цалуйся съ нимъ, а мнѣ подай денежки... не то — изъ дому вонъ... и щенковъ твоихъ вышвырну! Ты думала какъ? Завтра же, сейчасъ же пойду въ департаментъ, осрамлю его... Мнѣ что? Я женщина благородная, мнѣ вездѣ дорогу дадутъ!.. (*Стучитъ кулакомъ объ ладонь*.) Погодите, други мои, я васъ сдѣлаю съ праздникомъ!.. (*Быстро уходитъ къ себѣ*.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Волкова.

Боже! и я все это должна была выслушать? Но что она

хочетъ дѣлать?.. Я знаю, она вспыльчива, но не зла. Пойду, попрошу ее... Лизавета Ивановна! Лизавета Ивановна! душечка! (*Бѣжитъ въ спальню за ней. Сцена остается пустою.*)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Лисицкій (*входитъ въ среднюю дверь и осматривается*).

Никого нѣтъ... покуда все благопріятствуетъ... Экипажъ оставилъ у парка и сюда пѣшкомъ... Куда, какъ подумаешь, прихотливы эти чиновницы: имъ чѣмъ больше романтическаго, тѣмъ онѣ довольнѣе... Вотъ крадуся теперь какъ девятнадцати-лѣтній юноша, а дѣлать нечего... хороша!.. Направо дверь къ ней, сказала она... Это здѣсь, стало-быть? посмотримъ... (*Отворяетъ дверь.*) Никого, кажется, нѣтъ... Тамъ дверь еще въ темненькую (*въ окны показывается Иванъчиковъ*); попробую... (*Исчезаетъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Иванъчиковъ (*лезетъ въ окно, прислушивается и крадется*).

Фью, фью, фьююю... Вотъ она, штука какая! Лисицкій-то господинъ къ супругѣ жалуютъ... Ну, ничего; еще кстати; неравно поймають, скажу: онъ и привелъ... шутка сказать, немало-таки я подъ заборомъ-то высиждѣлъ!.. Дай-ка, молъ, срокъ, позатахнеть, а отсюда огородами можно... камень ему на шею, да въ воду!.. Ладно, другъ милый!.. Не хотѣлъ денежекъ брать, и даромъ отдашь... (*подкрадывается къ столу.*) А! вотъ оно тутъ, и не прибрано!.. (*Схватываетъ со стола дѣло.*) Ну, теперь маршъ! (*Бѣжитъ на поксахъ широкими шагами къ окну, лѣзетъ въ окно, роняетъ горшки съ цвѣтами и высовывается въ окно уже со двора.*) Адью, господа! (*Исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Волковъ.

Уфъ, какъ усталъ! (*Оттирается платкомъ.*) Ну не досадно ли: былъ уже на Адмиралтейской площади, какъ вспомнилъ, что оставилъ дѣло, не заперъ, и вотъ для этого долженъ былъ воротиться!.. Ужъ у меня такой безпокойный характеръ: кажется, какія бы радости ни ожидали меня, не мо-

гу быть покоенъ... Вѣдь знаю, что и жена дома, посмотритъ, а нѣтъ не могу... (*Подходитъ къ столу.*) Гдѣ жъ дѣло? (*Видитъ упавшій на полъ бумага.*) Что это? (*Оглядывается къ окну, видитъ, что оно раскрыто, подбѣгаетъ, смотритъ за окно.*) Боже! этого только и не доставало!.. Теперь Волковъ воръ, мошенникъ! дѣло укралъ!.. Господи, Господи!.. (*Схватываетъ себя руками за голову.*) Олинька! Олинька! жена! дѣло гдѣ? гдѣ дѣло?.. (*Бросается къ двери направо, быстро отворяетъ и, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ Лисицкимъ, пятится назадъ*) Что это?.. (*Въ то же время съ противоположной стороны выбѣгаютъ Волкова и Лизавета Ивановна. Волкова съ презрѣніемъ глядитъ на Лисицкаго и Лизавету Ивановну. Лизавета Ивановна смотритъ со страхомъ на Волкова. Картина.*)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Волковъ, Лисицкій, Волкова и Лизавета Ивановна.

Лисицкій (*выходя изъ двери, съ досадою*).

Г. Волковъ! неужели вы намѣрены и здѣсь меня преслѣдовать?..

Волковъ (*тревожно*).

Мнѣ кажется, я больше имѣю права сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ. У меня былъ сегодня господинъ, котораго я вчера встрѣтилъ у васъ; онъ предлагалъ мнѣ десять тысячъ за то, чтобъ я продалъ ему дѣло Ярикова; дѣло это теперь пропало... я вижу васъ здѣсь... Г. Лисицкій, что все это значитъ?

Лисицкій (*хладнокровно*).

Что жъ тутъ общаго между пропажей вашего дѣла и моимъ пріѣздомъ сюда?.. Вы сами не помните что говорили... Прошу васъ, оставьте меня съ этими дамами... Надѣюсь, что я у нихъ...

Волковъ.

Но, г. Лисицкій, вы въ моей квартирѣ, и одна изъ этихъ дамъ жена моя... Если вы пріѣхали къ Лизаветѣ Ивановнѣ...

Лисицкій (*хладнокровно*).

Я не къ Лизаветѣ Ивановнѣ пріѣхалъ.

Волкова (*бросаясь къ мужу*).

Саша! опъ жетъ...

Лисицкій.

Сударыня, сцена, которую вы съ супругомъ вашимъ мнѣ приготовили, несомнѣнно—удачно вами обдуманна. Я далеко не такъ глупъ, чтобъ брать съ собой много денегъ, идя на любовное свиданіе. (*Къ Волкову.*) Г. Волковъ, я вамъ долженъ, правда; положимъ, вы имѣли полное право быть мной недовольны за мою неискренность—что дѣлать! у всякаго свои обстоятельства; но зачѣмъ же вамъ было прибѣгать къ такимъ низкимъ средствамъ, заманивать меня сюда... дѣлать участницами жену вашу... эту барыню?.. (*Указываетъ на Лизавету Ивановну.*)

Лизавета Ивановна.

Слышите, слышите? меня-то къ чему вы тутъ еще путаете?

Волковъ (*къ жени и Лизаветѣ Ивановнѣ*).

Растолкуйте мнѣ, Бога ради, что все это значитъ? Я скоро съ ума сойду.

Лисицкій.

Вы, г. Волковъ, очень-неискусно притворяетесь. Три мѣсяца знаю я эту женщину, которую вы называете вашей женой; три мѣсяца она меня водитъ, выманивая у меня подарки; она щеголяетъ въ моей шляпкѣ; на плечахъ ея моя шаль; руки ея унизаны моими браслетами; наконецъ, я переплатилъ ей денегъ больше, нежели сколько вамъ долженъ, а вы еще не догадываетесь, откуда все это у жены вашей берется! Ха... ха... завидная недогадливость!.. Сегодня назначаютъ мнѣ свиданіе, на которое, кажется, я имѣю полное право, заплативъ, не далѣе какъ вчера, пятьдесятъ рублей; пріѣзжаю сюда—и что жъ? встрѣчаю васъ съ написаннымъ на лицѣ вашемъ недоумѣніемъ... Стыдитесь, г. Волковъ! вы, который такъ много рассказываете о своей честности!

Волковъ (*обнимая жену*).

Г. Лисицкій, берегитесь!

Волкова (*вся въ слезахъ падаетъ на колыки*).

Саша! прости, прости меня!.. я тебя обманывала!..

(Волковъ дѣлаетъ движеніе.) О! не отталкивай меня, выслушай... Три мѣсяца назадъ, я точно видѣла одинъ разъ этого господина у Лизаветы Ивановны; не знаю, чѣмъ могла я внушить ему мысль о тѣхъ гнусныхъ намѣреніяхъ... прости, прости меня, Саша!.. каждый день его низкая собесѣдница говорила мнѣ о любви его; она приносила отъ него подарки, которыхъ я не брала. Не знаю, возвращала ли она ихъ ему, или оставляла у себя. Я нѣсколько разъ хотѣла тебѣ во всемъ признаться, но боялась огорчить тебя, и безъ того всегда грустнаго. Мы ей должны; она и сегодня, когда я рѣшительно отказала въ назначенномъ ею свиданіи, хотѣла идти въ департаментъ на тебя жаловаться; а когда я пошла просить ее, господинъ этотъ пріѣхалъ— вотъ вся вина моя... Богъ видитъ мою душу! (Волковъ стоитъ какъ помѣшанный.) Ты, Саша, молчишь? (встаетъ. Къ Лисицкому.) Безстыдный человѣкъ! вы были виновникомъ и свидѣтелемъ моего униженія, вы слышали правду, которую, говоря на колѣняхъ передъ мужемъ, я исповѣдала Богу, благословившему нашъ союзъ; и если послѣ этого, хоть на минуту, остановитесь вы оправдать меня (изступленно), я задушу васъ моими руками!.. Говорите, говорите же, сказала ли я съ вами хоть одно слово? видѣли ли вы меня когда-нибудь, кромѣ того несчастнаго дня, какъ встрѣтилась я съ вами у этой низкой женщины? подала ли я вамъ хотя малѣйшую надежду на осуществленіе вашихъ гнусныхъ намѣреній? А что касается вашихъ подарковъ, какъ вы ихъ называете, вы можете спросить ихъ у вашей подлой прислужницы.

Волковъ (падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо руками).

Лисицкій.

Да, я точно неправъ предъ вами; теперь я вижу и самъ, что былъ обманутъ кругомъ этой женщиной.

Лизавета Ивановна.

Слышите, слышите? вдругъ я же теперь и виновата! Я думаю, что если я и приняла въ дѣлахъ вашихъ участіе, такъ не отъ чего-нибудь другаго, какъ только отъ добраго сердца: вижу, они люди бѣдные, живутъ на двадцать рублей въ мѣсяць; она тоже женщина молодая, думаю, хочется же ей быть не хуже другихъ, ну, гдѣ же имъ взять? вотъ я и хотѣла помочь имъ... Слышите, слышите! великая

важность! Да этакія дѣла дѣлаются каждый день! Что она, по глупости, не брала вашихъ подарковъ, такъ вѣдь не назадъ же было мнѣ ихъ таскать къ вамъ: думала, теперь не беретъ, послѣ возьметъ. А что деньги—то ваша я у себя оставляла, такъ, я думаю, вы больше должны мнѣ, да и они ужъ три мѣсяца за квартиру не платятъ.

Волковъ.

А—га! теперь понимаю: вы хотѣли продать жену мою, чтобъ выручить деньги, которыя я долженъ вамъ за квартиру?... Оборотъ честный! А этотъ покупатель чужихъ женъ...

Лисицкій (*перебивая*).

Но, г. Волковъ, я не зналъ, что женщина, на которую я имѣлъ виды, ваша жена.

Волковъ.

Помилуйте, да зачѣмъ вамъ было и знать... Чиновница!.. довольно и этого! Но, г. Лисицкій, вы оскорбили меня и жену мою своимъ гнуснымъ подозрѣніемъ; вы смѣли подумать, чтобъ мы... о! страшно и выговорить! Вы дорого мнѣ за это заплатите!..

Лисицкій.

Г. Волковъ! вѣдь я вамъ сказала, со мной денегъ нѣтъ... зайдите завтра ко мнѣ, и я за все расплатюсь.

Волковъ (*въ бѣшенствѣ*).

Подлецъ!

Лисицкій.

Вы забываетесь!

Волковъ.

А вы? Когда несли вы въ мой домъ позоръ и униженіе, когда покупали жену мою у этой презрѣнной торговки: когда, встрѣченные мною на мѣстѣ задуманнаго вами исполненія вашихъ подлыхъ намѣреній, осмѣлились вы сказать мнѣ и женѣ моей, что васъ сюда заманили въ надеждѣ ограбить; когда, наконецъ, я, дворянинъ, говорю вамъ объ удовлетвореніи, а вы предлагаете мнѣ деньги...

Лисицкій (*перебивая*).

Но какое же другое удовлетвореніе вамъ отъ меня нужно?... не стрѣляться же мнѣ съ вами; согласитесь сами: я—и канцелярскій чиновникъ!

Волковъ (пораженный послѣдними словами).

Да, точно, вы правы, я бѣдный чиновникъ—не больше!.. А знаете ли вы (забываясь, обращается къ публикѣ), какая ужасная, потрясающая душу вся драма заключается въ двухъ этихъ ничтожныхъ словахъ, которыя каждый изъ васъ произноситъ, нисколько и не помышляя, какую печать клеймитъ онъ того, кому судьба бросила эту несчастную кличку?... Бездомный скиталецъ, труженикъ вѣчный, бѣдный чиновникъ не смѣетъ рассчитывать даже на чье-нибудь состраданіе!.. Кровопійца, грабитель! вотъ тѣ понятія, которыя такъ часто рождаются у васъ при мысли о бѣдномъ чиновникѣ!.. А мнѣ, напримѣръ, часто нечего ѣсть; мнѣ не на что папять себѣ угла честнаго, гдѣ приклонилъ бы я съ семьей своей голову, и моя жена, дѣти мои должны пресмыкаться въ грязи нищеты и порока... Сердце, честь, совѣсть... ихъ нѣтъ у меня: мнѣ плюнуть въ глаза и бросить горсть денегъ... и долженъ ихъ взять; не то, меня же раздавятъ, какъ гадину, и никто не услышитъ послѣдняго вопля растерзанной души моей!.. Женой моей торгуютъ какъ вещью; за нее берутъ деньги; въ несчастное семейство мое несутъ позоръ... А когда я, оскорбленный мужъ и отецъ, доведенный до послѣдней крайности «человѣкъ», осмѣливаюсь требовать удовлетворенія, швыряютъ мнѣ въ лицо моимъ же ничтожествомъ... О! поймите, поймите вы это, сдѣлайте милость! (Опомнившись.) Теперь опозоренный, безъ крова, безъ добраго имени! Отецъ мой! отецъ! и вотъ плоды нашей честности!.. Ахъ! ха! ха! ха! (Падаетъ головой на столъ и плачетъ навзрыдъ.)

Лисицкій.

Удивляюсь, право, какъ эти господа такъ близко принимаютъ все къ сердцу!.. Ну, мнѣ, кажется, здѣсь больше дѣлать ужъ нечего (смотритъ часы). Поѣхать развѣ въ департаментъ, сказать тамъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ (кланяется дамамъ и уходитъ.)

Лизавета Ивановна (въ слезахъ).

Вотъ какова мнѣ отъ нихъ благодарность! Да, я ужасъ какъ много терплю за мое доброе сердце! (Уходитъ къ себѣ.)

Волкова (которая все время плакала, подходитъ къ мужу).

Саша! другъ мой! успокойся! (Волковъ не слышитъ.)

ЯВЛЕНИЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПРОСТОТА, ПОЛИЦЕЙСКІЙ ОФИЦЕРЪ, ЕГО ПИСЕЦЪ, ДВА ЦѢНОВЩИКА И АНДРЕЕВЪ. (ЦѢНОВЩИКИ, ВОЙДЯ ВЪ ДВЕРЬ, НАЧИНАЮТЪ РАЗВЯЗНО ПОХАЖИВАТЬ ПО КОМНАТЪ, ОСМАТРИВАЯ ВСЕ, ЧТО ВЪ НЕЙ ЕСТЬ; ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ ЗАЯДЫВАЕТЪ ВЪ ДВЕРЬ НАПРАВО.)

ПРОСТОТА (ПОГЛЯДЫВЪ НА ВОЛКОВА, ШОПОТОМЪ ВОЛКОВОЙ).

Ольга Андревна! что еще у васъ тутъ такое случилось?

Волкова.

Послѣ скажу вамъ все... теперь не до того... Скажите ему.

ПРОСТОТА (СО СЛЕЗАМИ).

Сашечка!.. а Сашечка! Былъ и у Константина Степаныча, у надзирателя... говорить, нельзя больше ждать... изъ Управы указъ, говорить, присланъ... Пришли (не можетъ договорить)...

Волковъ.

А?.. что?.. описывать (встаетъ и осматривается кругомъ).
Описывайте!.. (Падаетъ на шею Простотѣ.)

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Вечеръ. Комната та же, что и во второмъ дѣйствіи. На столѣ горитъ салъная свѣчка въ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Волковъ (ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, время отъ времени останавливаясь).

Вотъ, наконецъ, и вечеръ этого счастливаго дня! Еще нѣсколько часовъ—и я арестантъ!.. Да, надо эту ночь пережить!.. Завтра меня уволятъ отъ службы; станутъ производить слѣдствіе; меня будутъ водить за конвоемъ къ допросу, суду предадутъ, будутъ судить... Хорошо, ежели обвинять только въ неосторожности—я виноватъ точно; ну, а ежели заподозрить въ намѣренномъ сокрытіи дѣла—тогда-то что?.. Вѣдь это пятно... его не сотрешь ничѣмъ, ни-

когда!.. И это я, Волковъ! А что будетъ съ женой, съ моими малютками? Господи, Господи!.. О! еслибъ былъ я одинъ—все разомъ бы кончилъ... а теперь и умереть—то нельзя! Олинъка, моя добрая, благородная моя Олинъка—жена подсудимаго арестанта, жена исключеннаго изъ службы чиновника, оставленнаго по суду въ подозрѣннн!.. О, еслибъ зналъ кто всю силу, всю тягость этого слова!.. Ну, видно ужъ такъ суждено!.. (При послѣднихъ словахъ входитъ Волкова.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Волковъ и Волкова.

Волкова (ласкаясь къ мужу).

Саша, ты на меня не сердисься?

Волковъ (ласкаетъ жену).

На тебя? нѣтъ. За что я буду на тебя сердиться, моя бѣдная, несчастная Олинъка?..

Волкова.

Бѣдны мы оба, несчастливы оба!.. Ну что, Саша, дѣлать? Будемъ терпѣть.

Волковъ.

Терпѣть... (Начинаетъ опять ходить по комнатѣ, попеременно останавливаясь. Волкова садится къ столу) терпѣть, говоришь ты? Да, что будемъ мы дѣлать?.. чѣмъ станешь ты жить?..

Волкова.

Какъ, Саша, чѣмъ жить? Да вѣдь жили же мы до-сихъ-поръ? и какъ же ты говоришь, чѣмъ стану жить я? развѣ мы будемъ не вмѣстѣ?

Волковъ.

Хорошо бы, душа моя, еслибъ такъ... а если меня арестуютъ? (Закрываетъ лицо руками.)

Волкова (скоро).

Неуже-ли, Саша, это можетъ случиться?.. Боже мой, Боже мой!.. (Плачетъ.) Саша! знаешь ли что? сходилъ бы ты къ директору, да рассказалъ бы ему все, какъ было: можетъ-быть, онъ и простилъ бы тебя. Вѣдь ты говоришь, онъ такой добрый.

Волковъ.

Директоръ ничего сдѣлать не можетъ; тутъ, другъ мой, судъ: что скажетъ онъ! Да притомъ же здѣсь такъ ужъ принято, что чиновникъ, попавшій въ бѣду, оставаться на службѣ не долженъ. Поди послѣ оправдывайся, а марать, говорить, мѣсто нельзя!

Волкова.

Ну что же, Саша? ты и судьямъ скажи такъ, какъ все было.

Волковъ.

Да я судей и не увижу. Будутъ судить по бумагамъ, а на бумагѣ не всякую правду напишешь.

Волкова.

Вотъ вѣдь и я могу подтвердить...

Волковъ.

Тебя и не спросятъ: ты мнѣ жена.

Волкова.

Ну хорошо; а Павелъ Висаріоничъ? Онъ видѣлъ, какъ ты замахнулся и стуломъ.

Волковъ.

Простота тоже не можетъ быть принята въ свидѣтели: онъ другъ мнѣ.

Волкова.

Такъ что же нужно, чтобъ доказать?

Волковъ.

Нужно, чтобъ человѣка два посторонніе видѣли.

Волкова.

Помилуй! да кто же рѣшится при постороннихъ?..

Волковъ.

Ну вотъ ты и видишь, что оправданія нѣтъ.

Волкова (*въ раздумьи*).

Да, такъ-то, конечно. Ну вотъ еще что: стало, и сулъ кончится скоро?

Волковъ.

Да, лѣтъ черезъ пять.

Волкова.

Отчего же такъ долго, Саша?

Волковъ.

Скорѣе нельзя.

Волкова.

Ну, а можешь ты опредѣлиться въ другое мѣсто?

Волковъ.

Не примутъ состоящаго подъ судомъ.

Волкова.

Ну, куда-нибудь въ частную должность?

Волковъ.

Подсудимаго никто не возьметъ.

Волкова.

Такъ что жъ дѣлать-то, Саша?

Волковъ.

Я ужъ право не знаю... у меня голова идетъ кругомъ! Нужно съѣхать съ квартиры: я здѣсь оставаться больше не въ силахъ. Заплатить печѣмъ (*задумывается*); есть только одна возможность... но...

Волкова.

Что жъ такое?

Волковъ.

Сказать, что я дѣла не бралъ!

Волкова (*подбѣгаетъ къ мужу, кладетъ ему на плечи руки и смотритъ въ глаза*).

Саша! ты этого не сдѣлаешь!

Волковъ (*обнимая ее*).

Такъ, другъ мой, такъ... Пускай пропаду, лучше погибну, но другаго страдать не заставлю! (*Изъ двери направо входитъ Лизавета Ивановна, въ слезахъ*.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ВОЛКОВЫ И ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА (*медленно подходитъ къ Волкову*).

Александръ Петровичъ, простите меня, я васъ огорчила...

Волковъ.

Оскорбили, Лизавета Ивановна... Богъ вамъ судья!..

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(бросаясь на шею Волковой)*.

Оличка! душечка! прости ты меня!..

Волкова *(добродушно)*.

Богъ васъ проститъ, а я не еержусь... за что жъ? вы судили о насъ по другимъ....

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(сквозь слезы)*.

Да какъ же... вдругъ прїѣзжаетъ... зашмааетъ вдругъ деньги—пятьсотъ рублей вѣдь не шутка, на одинъ, говоритъ, мѣсяць, и вдругъ не отдаетъ—слышите, слышите? не отдаетъ три мѣсяца... говоритъ, понравилась Олинъка... Ну, я думаю: вы такіе бѣдные.. я вѣдь не знала, что вы гордые этакіе... мало ли, думаю, нашей сестры, сами случаетъ ищутъ, и мужья еще рады...

Волковъ.

Ахъ, полно-те, пожалуйста, Лизавета Ивановна! не забывайте ужъ мнѣ...

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Ну, не буду, не буду, не буду! я къ камъ съ просьбой пришла.

Волковъ.

Что вамъ угодно?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Если съ вами что случится, позвольте ужъ Олинъкѣ пожить у меня: я ничего съ васъ не возьму за квартиру, покуда дѣла ваши поправятся; и столъ будемъ вмѣстѣ имѣть... Что жъ! у меня пансіонъ отъ мужа... и такъ есть деньжонки—слышите, слышите? вы только простите меня!..

Волковъ *(глядитъ на нее пристально)*.

И вы говорите это отъ чистаго сердца?

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА *(рыдал)*.

Богъ видитъ мою душу!..

Волкова *(обнимая ее)*.

О! добрая Лизавета Ивановна! И мы васъ, вѣдь, обидѣли... простите и насъ.

ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы—дѣло другое: вы благородные люди, а я? что я? Вотъ и воспитывалась, а хорошей дороги никто не указалъ.

Волковъ.

Жалко мнѣ васъ, Лизавета Ивановна: у васъ доброе сердце... въ остальномъ виноваты не вы. Ну, помиримся (*протягиваетъ ей руку*).

Лизавета Ивановна (*дѣлаетъ то же и потомъ вдругъ веселѣетъ*).

Да знаешь ли, Оличка, душечка: я когда и училась-то, такъ обо мнѣ классныя дамы всегда говорили: «шалунья, говорятъ, шалунья, а доброе сердце».

Волковъ (*перебивая*).

Ну, вы оставайтесь, а я схожу къ надзирателю, съ нимъ потолкую: просилъ давича Павла Висаріоныча, да вотъ его я теперъ все еще нѣтъ. Надо же что-нибудь дѣлать... Ну, до свиданія пока! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Волкова и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна.

Да расскажи ты мнѣ, Оличка, куда же это дѣло пропало?

Волкова.

Видите ли что, Лизавета Ивановна: дѣло это взялъ Саша на домъ, чтобъ докладъ написать. Давича утромъ сидитъ, занимается, вдругъ пріѣзжаетъ какой-то исправникъ и проситъ, чтобъ Саша ему это дѣло отдалъ... стоялъ на колѣняхъ... десять тысячъ давалъ.

Лизавета Ивановна.

И Александръ Петровичъ не взялъ?

Волкова.

Какое! онъ чуть не убилъ его стуломъ; ужъ Павелъ Висаріонычъ поспѣлъ, онъ и остановилъ его, а то бѣда бы!..

Лизавета Ивановна.

Ну, что жъ потомъ?

Волкова.

Потомъ, когда этотъ исправникъ уѣхалъ, Саша пошелъ куда-то съ Павломъ Висаріонычемъ, а дѣло забылъ вотъ здѣсь, на столѣ... тутъ вы пришли... помните, на меня разсердились, я побѣжала за вами... потомъ пришелъ Иванскій... ну, что ужъ тамъ было—не знаю, и когда это

дѣло провало—понять не могу!.. Должно-быть, этогь исправникъ (въ спальнѣ Волковыхъ слышенъ дѣтскій плачъ)... Изъ дѣтей кто-то проснулся, пойдти надо къ нимъ (уходитъ въ спальню).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Лизавета Ивановна (одна).

Ну, слышите, слышите? десять тысячъ давали—не умѣлъ же вѣдь брать! Все это гордость проклятая! Взлѣлъ бы, тысячи три отдалъ, куда тамъ у нихъ надобно, и сталъ бы себѣ жить припѣваючи... Нѣтъ развѣ примѣровъ? почти каждый день!.. Я этики случасвь сколько ужь знаю; они нарочно такъ и берутъ вдвое все: гдѣ бы 100 рублей можно, а онъ 200 возьметъ; половина, говоритъ, на раздѣлку понадобится... И вдругъ послѣ подь судъ отдадутъ; думаешь, вотъ пропадетъ... ничуть не бывало, чистъ молодець! Еще послѣ суда-то развязише какъ-то, въ компанію войдетъ, или другое тамъ что-нибудь дѣлаеть, балы станеть давать, и всѣ такъ съ почтеніемъ къ нему... говорятъ: умница! умѣеть дѣлать дѣла! право, да вѣдь еще какія? не то, что мелкота этакая!.. (На улицу слышенъ стукъ подыжавшихъ дрожжекъ.) Ахъ, кто-то подыжалъ!.. я такъ нынче напугана, всякаго стука боюсь... Давича этикия ужаси: вдругъ кража—слышите, слышите? въ моемъ домѣ кража! тугъ вдругъ полиція описываетъ имѣніе. Лисицкій этогь... романъ, чистый романъ!.. И теперъ вся такъ и дрожу.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Лизавета Ивановна и баронъ Лихтенталь (молодой человекъ, длинный, худой, блѣдный; волосы бѣлые, завиты; безъ бакенбардъ; въ пальто; перчатки желтыя; въ глазу стеклышко; держится такъ, какъ-будто вотъ-вотъ сейчасъ распадется; сначала, согнувшись и не снимая шляпы, заглядываетъ въ дверь, а потомъ, когда Лизавета Ивановна ему отвѣчаетъ, влѣзаетъ окончательно).

Баронъ.

Здѣсь живетъ Волковъ чиновникъ, позвольте узнать?

Лизавета Ивановна.

Здѣсь-сь. Что вамъ угодно?

Баронъ.

Что, онъ дома? (Входитъ.)

Лизавета Ивановна.

Нѣтъ-съ, онъ ушелши. (*Всторону.*) Ахъ какой бель-омъ!
(*Веселлетъ окончательно.*)

Баронъ (*всторону*).

Лисицкій давеча сказываль, у него хорошенькая жена и говоритъ, можно приволокнуться. Дà, не дурна. (*Къ ней.*) Какъ же это, скажите пожалуйста, гдѣ же онъ?

Лизавета Ивановна.

Онъ ненадолго ушелъ къ надзирателю... знаете, знаете, въ контору.

Баронъ.

Вы мнѣ позволите его подождать? (*Разваливается на стуль и вытягиваетъ ноги.*) Я, видите ли, его начальникъ и хотѣлъ бы съ нимъ поговорить...

Лизавета Ивановна (*всторону*).

Ахъ, это вѣрно князь! Директоръ, директоръ... дà, я сейчасъ догадалась. Ахъ какой милый! (*Къ нему.*) Только, пожалуйста, excusez-moi, что я такъ подомашнему..

Баронъ.

О, помилуйте!.. Скажите, пожалуйста, какъ это у васъ тутъ, говорятъ, дѣло пропало? Пріѣхаль давеча въ департаментъ Лисицкій и говоритъ: у Волкова дѣло пропало... Ну, думаю, надобно съѣздить, узнать. Я на эти вещи ужасно заботливъ. Обѣдаль тутъ близко на дачѣ, ну и заѣхаль сюда. Скажите, пожалуйста, какъ это?

Лизавета Ивановна.

Да вотъ, такое право несчастье! Вдругъ сидитъ онъ давеча утромъ здѣсь, зашмаётся; только вдругъ пріѣзжаетъ какой-то исправникъ и проситъ отдать ему это дѣло... на колѣняхъ стояль, давалъ десять тысячъ... слышите, слышите, десять тысячъ давалъ; вѣдь это не шутка! Ну, Александръ Петровичъ благородный такой, вдругъ не взялъ... потомъ онъ куда-то ушелъ, а дѣло-то тутъ на столѣ оставилъ, оно и пропало... Я говорю, лучше было бы взять ужъ деньги...

Баронъ (*всторону*).

Наивность какая! (*Ей.*) Ну, какъ же онъ теперь думаетъ?.. Вѣдь штука-то скверная выйдетъ.

Лизавета Ивановна (*всторону*).

Попрошу я его, знаете, этакъ полюбезничать... (*Ему.*)

Ахъ, опъ ужасно убить, просто ужасти какъ!.. Вотъ еслибъ вы пособили ему! мы бы не знали ужъ какъ благодарить васъ! Пособите, пожалуйста!.. (*подходитъ къ нему*).

Баронъ (*всторону*).

Она ужъ не первой молодости, но, ничего, приволочнуться можно для счета; ударю-ка сразу... съ чиновницей, церемониться нечего... (*Ей*.) Пособилъ бы... А что вы дадите? (*беретъ ее за обѣ руки*.) Знаете что? вы хороши какъ Божій день.

Лизавета Ивановна (*не вырывается*).

Ахъ, ахъ шалунъ этакій!... Полноте, полноте!..

Баронъ (*вставая*).

Знаете, я полюбилъ васъ съ первой мннuty; и ежели вы хотите, чтобъ я пособилъ вашему... (*быстро обнимаетъ и целуетъ ее*).

Лизавета Ивановна.

Ахъ, ахъ, шалунъ этакій! Что это вы дѣлаете?... (*Слышенъ стукъ подъѣзжавшихъ дрожжекъ*.) Слышите, слышите? кто-то прѣѣхалъ....

Баронъ (*удерживая ее*).

Нѣтъ, это мои дрожки; не стоитъ, вѣрно, лошадь на мѣстѣ...

Лизавета Ивановна (*вырывается*).

Кто-то идетъ... Пустите, пустите... (*Убѣгаетъ къ себѣ*.)

Баронъ.

Послушайте... никого нѣтъ... вамъ показалось... (*блѣжитъ за ней*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евлампій Ермолаевичъ (*высокаго роста господинъ, лѣтъ подъ сорокъ, блондинъ, причесанъ какъ попало; лицо, ничего не обьщающее, безъ бакенбардъ; въ вице-мундирѣ; въ петличкѣ ленточка; говоря слышитъ, немножко заикается и немножко присвистываетъ*).

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... т... даль какая! т... т... т... ѣхалъ, ѣхалъ... т... т... т... конца не видать; т... т... т... вотъ неприятное т... т... т... происшествіе?... т... т... Лисицкій т... т... этотъ прѣѣхалъ, т... т... перебутаражилъ департаментъ т... т... весь; т... т... хорошо, что директоръ ужъ вышелъ, а то бы, а то бы, т... т... бѣда, бѣда... т... т... т... не знай, какъ

завтра сказать!.. Я, впрочемъ, съ одной стороны радъ... т... т... т... что Волковъ попался: т... т... т... невѣжа, невѣжа!.. и гордый какой! Придетъ, кивнетъ головой, а нѣтъ, а нѣтъ, чтобъ поклониться, какъ слѣдуетъ... т... т... вотъ получили (показываетъ ленточку въ петлицу) т... т... не пришелъ и поздравить?.. т... т... пускай, пускай теперь попляшетъ, т... т... т... Чтожъ тутъ нѣтъ никого?.. ужъ, ужъ Волковъ не сдѣлалъ ли... т... т... т... чего надъ собой... т... т... посмотрѣть хоть сюда... (Отворлетъ дверь къ Лизаветъ Ивановнѣ, и, взглянувъ, закрываетъ дверь опять.) т... т... Чортъ знаетъ, это баронъ нашъ! т... т... чѣмъ бы позаботиться о дѣлѣ, а онъ... т... т... цауется... т... т... съ кѣмъ то... (Баронъ выходитъ.)

БАРОНЪ.

Ахъ, это вы!..

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Евлампій Ермолаевичъ и Баронъ.

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... т... какъ вамъ не стыдно, баронъ!.. т... т... у васъ въ столѣ дѣло пропало... т... т... т... происшествіе этакое... не знай какъ завтра... т... т... князю сказать... т... т... т... а вы... т... т... тутъ дѣлаете чортъ знаетъ что!.. т... т... и въ департаментъ приходите поздно... т... т... ничего не дѣласте... т... т... вотъ какъ Волковъ... т... т... т... скажетъ, что онъ у васъ дѣла не бралъ... т... т... запоете тогда!..

Баронъ (разаливаясь на стул).

Онъ этого не скажетъ, я знаю: онъ очень-порядочный человекъ.

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... всѣ они порядочные... т... т... знаю я ихъ!.. т... т... Съ кѣмъ это вы тамъ... т... т... возились?

Баронъ (расчесываетъ пальцами волосы и потягивается).

Это съ женой Волкова. Порядочная бабѣнка...

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... гдѣ же онъ самъ?

Баронъ.

А я почему знаю?.. Она говоритъ: въ контору ушелъ...

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... вотъ вамъ ни до чего дѣла нѣтъ!... т... т... Въ департаментѣ ничего не дѣлаете...

Баронъ.

Вы знаете моего дядю?

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... какъ не знать... т... т... такое занимаетъ мѣсто... всѣ его знаютъ...

Баронъ.

Ну то-то же. Значитъ, вамъ я нечего разсуждать: дѣлаю я что-нибудь, или ничего не дѣлаю...

Евламій Ермолаевичъ (*оробѣвъ*).

Т... т... я только такъ, по обязанности т... т... а, впрочемъ, мнѣ что же... т... т... вы шутите и я пошутилъ...

Баронъ.

Ну вы и будьте съ вашей обязанностью тамъ, въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь разсуждать нечего. Вотъ вы, напримѣръ, здѣсь уже сколько времени, а вѣдь ничего еще не узнали... а я знаю: Волкову-то, за то, чтобъ онъ отдалъ это дѣло, давали деньги...

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... деньги? т... т... что вы говорите?...

Баронъ.

Да, десять тысячъ давали... да онъ не взялъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... можетъ ли быть, чтобъ не взялъ?

Баронъ.

Я говорю вамъ, не взялъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... да кто же давалъ?

Баронъ.

Кому, стало-быть, нужно. Исправникъ какой-то.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... т... ну такъ и есть!... т... т... это что по дѣлу замѣшанъ. Т... т... такъ и есть; онъ, значитъ, и продалъ.

Баронъ.

Говорятъ вамъ, Волковъ не взялъ денегъ.

ЕвЛАМНІЙ ЕРМОЛАЕВИЧЪ.

Т... т... какъ это, десять-то тысячъ?

Баронъ.

Что? Вамъ это странно? А вы вѣрно бы взяли?

ЕвЛАМНІЙ ЕРМОЛАЕВИЧЪ.

Т... т... Ну что объ этомъ! т... т... Да кто вамъ это сказывалъ?

Баронъ.

Кто сказывалъ? Жена Волкова (*при этихъ словахъ Волкова входитъ*).

ЕвЛАМНІЙ ЕРМОЛАЕВИЧЪ.

Т... т... Ну ужъ нашли кому вѣрить!..

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И Волкова.

Волкова.

Я жена Волкова. Что вамъ угодно и что я вамъ сказывала, позвольте узнать?

Баронъ (*при первыхъ словахъ ея вскакиваетъ, всторону*).

Вотъ хороша-то?... (*Ей.*) Извините, пожалуйста... Какъ же это? развѣ вы m-me Volkoff? А эта дама, которая здѣсь? (*Указываетъ на дверь Лизаветы Ивановны.*)

Волкова.

Это хозяйка наша, мадамъ Декъ.

Баронъ.

Простите Бога ради, тутъ вышло маленькое недоразумѣніе... Я сослуживецъ вашего мужа, Лихтенталь, узналъ о неприятномъ происшествіи, которое у васъ случилось здѣсь, и заѣхалъ спросить; но теперь, какъ здѣсь самъ Евлампій Ермолаичъ, то... Евлампій Ермолаичъ, вы здѣсь подождете?

ЕвЛАМНІЙ ЕРМОЛАЕВИЧЪ (*кланяясь Волковой*).

Т... т... Подожду, подожду.

Баронъ (*Волковой*).

Имѣю честь кланяться. (*Всторону.*) Вотъ промахнулся-то! Скажите пожалуйста... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Волкова и Евлампій Ермолаевичъ.

Волкова.

Прошу васъ садиться. Александръ Петровичъ скоро придетъ.

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... ничего-съ... (*Садится. Всторону*) т... т... откуда выпрошу... (*Къ ней.*) Т... т... такое, право, неприятное, т... т... происшествіе.

Волкова.

Да, несчастье такое, что мы не знаемъ, что дѣлать...

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... т... да какъ же это случилось?

Волкова.

Александръ Петровичъ занимался вотъ здѣсь; пришелъ къ нему одинъ нашъ знакомый чиновникъ, онъ съ нимъ и ушелъ, куда ужъ—не знаю, а дѣло забылъ на столѣ... Я на минутку пошла къ нашей хозяйкѣ; возвращаюсь, дѣла ужъ нѣтъ... Мужъ мой въ отчаяніи...

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... какъ же это такъ?.. Оставить, дѣло оставить, нельзя, чтобъ безъ умысла...

Волкова.

Умысла тутъ быть не могло...

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... а какже? Т... т... не былъ ли кто еще прежде?

Волкова (*всторону*).

Надобно лгать!.. Ну, пусть Саша самъ скажетъ какъ хочетъ... (*Ему.*) Не знаю, я не видала.

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... Я потому васъ, сударыня, спрашиваю, что мы все такъ любимъ... т... т... вашего мужа... Т... т... зная подробности, легче пособить...

Волкова.

Да вотъ, кажется, онъ самъ; вошелъ кто-то въ калитку. (*Волковъ входитъ.*)

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДЕЙСТВИЕ.

ТѢ ЖЕ И ВОЛКОВЪ (увидя Евлампія Ермолаевича).

Волковъ.

Евлампій Ермолаичъ! чему я обязанъ?

Волкова.

Не стану мѣшать вашимъ дѣламъ (кланяется Евлампію Ермолаевичу и уходитъ къ себѣ.)

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... что это, батюшка, вы тутъ надѣлали? Вотъ, вотъ я всегда говорилъ... т... т... не будьте горды... т... т... Богъ васъ накажетъ... т... т... оно такъ и вышло.

Волковъ.

Я ничего не надѣлалъ. Случилось несчастье: дѣло пропало...

Евлампій Ермолаевичъ.

Вотъ то-то и есть... Т... т... берете на домъ дѣла... т... т... бросаете зря... т... т... за васъ тутъ раздѣлывайся... т... т... Ну какъ я доложу завтра директору? и хоть-бы сами пришли, а то... а то итъ... Лисицкій сказалъ...

Волковъ.

А! это онъ позаботился? Я вообще благодаренъ г. Лисицкому.

Евлампій Ермолаевичъ.

А то... а то какъ же? Т... т... это былъ его долгъ, если онъ зналъ... Вы бы, вы бы теперь съ десятью-то тысячами свиснули, такъ васъ и пици...

Волковъ.

Съ какими десятью тысячами? Кто вамъ сказалъ?

Евлампій Ермолаевичъ.

А вы думаете... т... т... и не знаютъ? Стыдно вамъ, стыдно... т... т... милостивый государь... т... т... въ министерствѣ служить, а... т... т... такія дѣла дѣлать... Вотъ, вотъ, я всегда... т... т... говорю: ужъ кто послужилъ въ губерніи, ужъ... ужъ нельзя принимать...

Волковъ.

Послушайте, Евлампій Ермолаичъ! Не знаю, откуда почерпнули вы всѣ эти свѣдѣнія, но, кажется, до-сихъ-поръ

и не подалъ вамъ ни малѣйшаго повода оскорблять меня такимъ образомъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... это что? Это всё такъ говорить. У васъ былъ исправникъ?

Волковъ.

Быль.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... видите, видите, въ сношеніе съ подсудимымъ входите... Предлагалъ онъ вамъ деньги?... т... т... десять тысячъ?

Волковъ.

Я могъ бы вамъ и не отвѣчать, но лгать не хочу: предлагалъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... и вы будто не взяли?..

Волковъ (*подумавъ*).

Положимъ, что взялъ, что жъ тогда?

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... тогда пособить бы вамъ можно... Т... т... свалимъ бѣду на барона... т... т... у него, вы знаете, дядя, т... т... онъ отвертится...

Волковъ.

А вамъ половину? не такъ ли?

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... ну, ужъ какъ знаете!.. Баронъ былъ сейчасъ здѣсь... т... т... тоже заботливый человекъ!.. пріѣхалъ узнать... расцаловался съ вашей хозяйкой... т... т... и уѣхалъ опять... Т... т... ему все ни почему... Т... т... ну, какъ же? согласны?

Волковъ.

Я денегъ не бралъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Ну, такъ извольте со мной отправляться... Т... т... нельзя, нельзя васъ оставить... Т... т... дѣло такое серьезное... т... т... смертоубійство!.. не шутка!.. т... т... Сегодня я ужъ докладъ изготавилъ объ увольненіи вашемъ... т... т... васъ арестуютъ... т... т... Поѣдемте со мной въ департаментъ...

Волковъ.

Вотъ она, правда! *(Складываетъ руки и смотритъ на Евлампія Ермолаевича.)* Знаете ли что я вамъ скажу? Мнѣ теперь все ужъ равно, за одно пропадать... Вы мнѣ врагъ заклятой съ этой минуты!.. Я разоблачилъ сокровенныя тайны души вашей, ежели только она у васъ есть; я заставилъ васъ высказать то, что вы скрывали двадцать, можетъ-быть, лѣтъ: вашу корысть, вашу алчность... Ну такъ послушайте же: не стыдно ли, не грѣхъ ли вамъ предъ Богомъ?.. Положимъ, берутъ отъ нужды люди... семейство, недостаточность средствъ, ну, такъ ужъ и быть... все есть оправданіе... не всякъ устоитъ въ нищетѣ... Но вы то? вы? Боже мой! человекъ одинокій, стоите на такомъ мѣстѣ, получаете достаточное для васъ содержаніе, домъ свой имѣете... и на что жъ вы рѣшаетесь при первомъ представившемся случаѣ? продать довѣріе, которымъ вы пользуетесь, войти въ сношеніе съ канцелярскимъ чиновникомъ, отдать себя навсегда въ его руки... и изъ-за чего же? изъ-за какихъ-нибудь пяти тысячъ, въ которыхъ вамъ нѣтъ даже и надобности, не только нужды. Вѣдь это ужъ жадность?.. Хорошъ изъ васъ будетъ начальникъ, какъ я на васъ посмотрю... а вы тоже не безъ надеждъ, я думаю, служите? Нѣтъ, какъ можно!... Вы не положили ни одного пятна на вашу службу отъ того только, что вамъ было нельзя: за вами глядѣли, вы тутъ подъ глазами... а вотъ какъ вамъ руки развяжутъ, да пустятъ подалеже, тогда вы себя и покажете... И долго-долго еще никто ушамъ своимъ вѣрить не будетъ, чтобъ это о васъ все рассказывали... Что же вамъ нужно, хотѣлъ бы я знать? Соблазняютъ примѣры? передъ глазами вашими обогащаются службой сотни людей: они покупаютъ дома, наживаютъ тысячи душъ, содержатъ Матильдъ, Клементинъ.. роскошь и золото у нихъ льются рѣкой... завидно—неправда ли? Но знайте: часъ смертный пробьетъ и для нихъ... и они вспомнятъ, что есть на небѣ Богъ!.. Смотрите лучше сюда! вонъ тамъ иной, забывъ и долгъ, и присягу, лѣтъ тридцать карманъ набивалъ: ему все съ рукъ сходило. Ну, думаетъ, баста! теперь проживу на покоѣ... глядь—ни съ того ни съ сего, параличъ его хватить: его жена его обманываетъ, его дѣти не уважаютъ его, его прислуга смѣется надъ нимъ, въ его раззолоченныхъ залахъ идутъ пирры и веселья, а самъ онъ валяется какъ негодное полѣно гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ и не смѣетъ

даже подумать о смерти!.. Счастливъ ли онъ? того ли онъ ждалъ?.. Другой грабилъ живаго и мертваго—все дѣлать копилъ... Онъ умеръ, а дѣти его, промотавъ года въ четыре все нажитое десятками лѣтъ, сыновья доживаютъ свой вѣкъ въ дому неисправныхъ плательщиковъ, а дочери—стыдно сказать... Да! не бывать проку въ богатствѣ, нажитомъ неправдою; а правдой на службѣ нажиться нельзя!..

Евламій Ермолаевичъ (*который во время послѣдняго монолога, вертѣлся какъ на угольяхъ*).

Ну, ну, ну, т... т... нечего, нечего тутъ разсуждать... т... т... Чѣмъ бы попросить снисхожденія, а вы еще дерзости дѣлаете... т... т... т... Ыдемте-съ. .. Вотъ завтра, посмотримъ, что-то вы скажете?..

Волковъ.

Я могъ бы съ вами не ѣхать; но знаю, мнѣ это прибавитъ вины... Хоть дайте проститься съ женой и дѣтми... (*Идетъ въ свою спальню.*)

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... скорѣе, скорѣе!..

ЯВЛЕНИЕ ДВѢАДАТАЕ.

Евламій Ермолаевичъ (*одинъ*).

Т... т... вѣдь этакой наглый!.. т... т... такъ прямо и рѣжетъ... никакого почтенія къ старшимъ... Вотъ дай бы такому-то волю... онъ что бы надѣлалъ!.. Т... т... вотъ то-то и есть: т... т... бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ...

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Входитъ Волковъ, за нимъ Волкова, которая тихо плачетъ; съ другой стороны выходитъ Лизавета Ивановна.

Волковъ.

Я готовъ.

Евламій Ермолаевичъ.

Ну-съ, ѣдемте, ѣдемте; т... т... не плачьте сударыня...

Лизавета Ивановна.

Куда это вы собрались, Александръ Петровичъ? что это значитъ?

Волковъ.

Прощайте, Лизавета Ивановна! Богъ знаетъ когда-то увидимся: везуть подъ арестъ.

Лизавета Ивановна.

Какъ подъ арестъ? Слышите, слышите? мнѣ сейчасъ вашъ директоръ сказалъ, что ничего вамъ не будетъ: онъ вамъ пособить...

Волковъ.

Какъ директоръ? гдѣ вы его видѣли?

Лизавета Ивановна.

Князь вашъ, да... оупъ сію минуту былъ у меня.

Евлампій Ермолаевичъ (*быстро начинаетъ застегиваться на все пуговицы*).

Т... т... какъ? его сіятельство изволили быть... т... т... здѣсь?..

Лизавета Ивановна.

Да былъ у меня въ комнатѣ и очень, очень любезенъ... Я его просила за васъ, Александръ Петровичъ, и оупъ обѣщаль.

Волковъ.

Да когда же? и зачѣмъ было князю сюда пріѣзжать?..

Лизавета Ивановна (*къ Евлампію Ермолаевичу*).

Вѣдь вы сами его въ моей комнатѣ видѣли... еще онъ, такой шалунъ, право, меня поцаловаль?

Евлампій Ермолаевичъ.

Т... т... Ахъ, это баронъ нашъ... Т... т... вы сами, сударыня, не знаете что говорите... т... т... а насъ задержали...

Лизавета Ивановна.

Баронъ! а я думала, князь! (*Всторону*.) Ну все жъ не просто чиновникъ. Слышите, слышите: баронъ!..

Евлампій Ермолаевичъ.

Ну-съ ѣдемте-съ, ѣдемте... (*За сценой слышенъ голосъ Простоты: «Сашечка, Сашечка!»*)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Ть же и Простота.

Простота (вбѣгаетъ).

Сашечка! Сашечка! Скажи: слава Богу... скажите: слава Богу, Ольга Андревна!..

Волковъ и Волкова (скоро).

Что? что такое?

Простота.

Вѣдь дѣло-то нашлось? нашлось дѣло-то!..

Волковъ.

Какъ? гдѣ?

Волкова.

Неуже-ли?

Евламій Ермолаевичъ (всторону).

Т... т... досадно!..

Простота.

Нашлось, нашлось, и плута-то того поймали, съ полпч-нымъ поймали... Вотъ хохоту-то давича было!

Волковъ.

Да расскажи, пожалуйста, какъ все это случилось?

Простота.

А вотъ я вамъ сейчасъ по порядку... (Волковъ и Волкова стоятъ по обѣ стороны Простоты; Лизавета Ивановна ближе къ своей двери; возлѣ нея Евламій Ермолаевичъ, который время отъ времени обращается къ ней съ вопросами, но она знаками говоритъ ему: «не мѣшайте, дайте слушать»; когда же въ рассказъ Простоты дѣло доходитъ до князя, Евламій Ермолаевичъ весь обращается въ слухъ.) Какъ рассказали вы мнѣ давича, сударыня Ольга Андревна, подноготную то всю, и про Лисицкаго, тоже—нечего сказать, человѣкъ хорошій—и про все, какъ что случилось, вижу, Сашечка убивается; тутъ это все описываютъ... горе такое взяло меня, что просто всю душу выворачиваетъ!.. Ну, думаю, здѣсь дѣлать мнѣ нечего; дай побѣгу къ надзирателю, авось съ нимъ что-нибудь сдѣлаемъ... Ну, Константинъ Степанычъ, извѣстно, человѣкъ добрый, а насчетъ этакихъ, знаете, розысковъ, или тамъ чего другаго прочаго, и самъ говоритъ, не силенъ. Вижу, тутъ дѣло наше не приходится; я на гитару, да и махъ къ Семену Иванычу... Ну, этоъ другая статья: онъ, судари мои, какъ? съ тобой говорить про одно.

а самъ про свое думаетъ, а глядѣть на тебя, словно аршина на два подъ тобой—то все видитъ: а ужъ дай ему случай пошпырять, это его малиной не корми, страсть, говорить, моя, страсть!.. Ну, хорошо. Разказалъ я ему все; выслушалъ. Говорить: «Иваньчиковъ укралъ, больше некому». Ъдемте, говорить—я закипѣло, и закипѣло!.. Куда? прежде всего въ Адресный Столъ. Гдѣ останавливался такой-то? Справились—есть: на Пескахъ, въ домѣ вдовы неслужащей дворянки Хандошкиной, номеръ такой-то; туда: здѣсь квартируетъ такой-то? «Квартировалъ, говорятъ, здѣсь такой-то, да нынче часу въ третьемъ уѣхалъ въ Варшаву». Семень Иванычъ сказалъ: «Бретъ шельма, въ Варшаву ему не зачѣмъ ѣхать. Пойдемъ, говорить, на Московскую...» Ну, мы на Московскую; товарный сбирался; въ книгу взглянули: здѣсь, слава Богу! Такъ что бы вы думали? какъ кладъ не давался!.. Ходили, ходили, искали, искали—ну, нѣтъ, таки нѣтъ; да ужъ что? Коляска стоитъ... знаете, генеральскую чью-то везли, такъ, рогожкой прикрыта, не то чтобъ увязана; Семень Иванычъ рогожку-то приподнялъ, а онъ тамъ и сидитъ на самомъ на доньшкѣ, вотъ такъ скукожился (*представляетъ, какъ тотъ сидѣлъ*). Онъ? говорить Семень Иванычъ; я сказалъ: самый онъ и есть. Пожалуйте, говорить Семень Иванычъ, сюда.—«Какъ? зачѣмъ? что такое?»—«Ну, да ужъ послѣ узнаете». Вытащили.—«Чемоданъ вашъ?»—«Нѣтъ, говорить, у меня чемодана». Поискали, нашли, открыли... а оно тамъ цѣлехонько!..

Всѣ.

Неуже-ли цѣло?

Волковъ, Волкова и Лизавета Ивановна.

Ахъ! слава Богу!

Евламій Ермолаевичъ!

Т... т... досадно, досадно!...

Волковъ.

Вотъ счастливо-то! И какъ это онъ его не уничтожилъ?

Простола.

Хотѣлъ, хотѣлъ, говорить, въ Невѣ утопить—это послѣ то какъ сознался-то—и на квартирѣ, говорить, въ печку бросить хотѣлъ, да, говорить, жалко стало... свезти, говорить, лучше домой захотѣлось, передъ пріятелями своими похвастаться, что вотъ какъ дѣла мы обдѣлываемъ!.. Вѣдь такіе жъ безстыжіе глаза, какъ подумаешь!..

Волковъ.

Ну гдѣ же дѣло-то?

Простота.

А вотъ я сейчасъ по порядку. Ну, разумѣется, мы, какъ ужъ взяли-то, и дѣло, видимъ, при немъ, сейчасъ въ Большую Морскую; тамъ начали спрашивать. Что жъ бы вы думали? вышло-то что? (*складываетъ руки*). Показалъ на Лисицкаго.

Волковъ.

Что на Лисицкаго? что?

Евламій Ермолаевичъ.

Что... т... т... что такое?..

Простота.

Онъ, говоритъ, надоумилъ унести у васъ, Сашечка, дѣло; онъ, говоритъ, меня и привелъ.. говоритъ; я ему за это пять тысячъ, говоритъ, далъ... росписку къ дѣлу представилъ.

Волковъ.

Возможно ли?..

Евламій Ермолаевичъ.

Т... т... пустяки, пустяки! У Лисицкаго пятьсотъ душъ, по формулярному списку значится...

Волковъ (*обнимая Простоту*).

Ну, Павелъ Висаріоничъ, спасибо!.. Я тебѣ вѣчный слуга.

Волкова (*обнимая Простоту съ другой стороны*).

Вы одни насъ спасли!..

Простота.

Постойте, постойте! не все еще. Я оттуда къ директору, къ вашему князю.

Волковъ.

Какъ къ князю? зачѣмъ?

Евламій Ермолаевичъ (*засовался*).

Т... т... къ его сіятельству!.. Ахъ, зачѣмъ вы, зачѣмъ это... т... т... ахъ, Боже мой! Боже мой! Его сіятельство изволятъ все знать, а я еще не былъ.

Простота.

Думаю: «Что же это, Господи! долго ли страдать будетъ Сашечка-то? Не пойдти ли, молъ, мнѣ самому?..» Ну, думать долго тутъ нечего; опять на гитару—и тамъ... Пошли, доложили... ну, выпелъ: «Что вамъ угодно?»—Секретъ, го-

ворю, ваше сіятельство, позвольте туда...» глазами-то на кабинетъ, знаете, показываю. «Хорошо, говорить, милости просимъ». Вошли. «Ну, что», говорить. Я бухъ на колѣни: «Ваше сіятельство, говорю, Сашечка...» а самъ такъ и за-дился, знаете. «Какой, говорить, Сашечка? что такое?»— «Изволите, говорю, помнить Александра Петровича Волкова, въ такомъ, въ положеніи... и супруга, говорю, Ольга Андревна...» и пошелъ, и пошелъ: и про дѣло-то это, и про Лисицкаго, и какъ имущество описали, и все какъ, до тла... Усмѣхнулся, знаете, этакъ, надо мной-то немощко, да и говорить: «Волкова я, говорить, давно знаю: благородный, говорить, человекъ, и чиновникъ хорошій. Ахъ, какъ же, говорить, я этого не зналъ до-сихъ-поръ, что онъ у меня служить?» Я говорю: «Гдѣ же вашему сіятельству звать каждаго канцелярскаго чиновника? Извѣстно, они люди такіе же, человекъ же все, да когда вашему сіятельству!.. больше бумагами заняты!..» Усмѣхнулся опять... Ну, говорить, вы благородный человекъ!..» Это мнѣ-то, Сашечка! мнѣ-то это, Ольга Андревна! «Ступайте, говорить, къ Волкову, скажите, чтобъ онъ завтра пораньше былъ у меня; я, говорить, его устрою». Ну, я покатишь, да и здѣсь.

Евѣмій Ермолаевичъ (*подбѣгаетъ къ Волкову*).

Т... т... ужъ вы, пожалуйста, Александръ Петровичъ, т... т... батинька, обо мнѣ-то смолчите т... т... лукавый попуталь, ей-Богу!..

Волковъ.

Не безпокойтесь...

Лизавета Ивановна (*прыгаетъ*).

Ну, поздравляю, поздравляю! Теперь все кончено!

Волковъ (*обнимая Простоту*).

Вотъ кого должны благодарить мы, жена!

Волкова (*Простотъ*).

Да, вы нашъ истинный другъ!

Простота (*застѣличиво*).

Я что тутъ? Помилуйте! Господь вразумляетъ слѣпыхъ!..

Волковъ.

Такъ... все такъ...

Волкова.

А вотъ, Саша, я-то и права: свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

Занавѣсъ падаетъ.